

КРЕМЛЕВСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей
Власов

ВАСИЛИЙ
БЛАЖЕННЫЙ

Кремлевский детектив

Сергей Власов

**Кремлевский детектив.
Василий Блаженный**

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Власов С.

Кремлевский детектив. Василий Блаженный / С. Власов —
2014 — (Кремлевский детектив)

ISBN 978-985-18-3574-0

Суперагенту Отдела быстрого реагирования ФСБ Климу Неверову удается всего за несколько дней предотвратить широкомасштабную катастрофу, угрожающую России и ее президенту.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3574-0

© Власов С., 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Власов

Кремлевский детектив.

Василий Блаженный

Все имена, названия и события – вымышленные. Совпадения с реальными именами носят случайный характер.

Пролог

После того как барыге несколько раз аккуратно врезали по почкам, желания разговаривать у него стало побольше. Более того! Он, как по волшебству, начал гораздо лучше понимать русский язык и в значительной степени избавился от гнусавого таджикского выговора.

– Во блин! Натурально, я его исцелил! – гордо заявил старший оперуполномоченный Решетников.

– Никто в твоих способностях и не сомневался, – усмехнулся майор ФСБ Астахов, наблюдавший за процессом «обработки» барыги из дальнего угла кабинета.

– Убивают! – визгливо заорал барыга, демонстративно глядя на Астахова. Почему-то этот неряшливый лохматый азиат все еще был уверен, что сухощавый интеллигентный человек в дорогом сером костюме имеет намерение защитить его от звероватого опера.

– Пока нет! – сказал Решетников и несильно стукнул барыгу по загривку.

Астахов вздохнул, подошел к таджику, проникновенно посмотрел ему в глаза и тихо спросил:

– Тебе ведь Боженко дурь поставляет? А?

Таджик вскинул было руки в умоляющем жесте и заныл:

– Никакой Боженко не знаю. Какая дурь? Мамой клянусь, мне подбросили...

Астахов тоскливо закатил глаза к обшарпанному потолку кабинета:

– Ты мне, сучий потрох, сказку про белого бычка по новой не заводи! – сказал он. – Пока я добрый, но могу и рассердиться. Еще раз: ты дурь у Боженко берешь?

Таджик все-таки был непроходимо глупым. Он не рассмотрел нехорошего огонька во взгляде фээсбэшника и потому снова плаксиво заверил, что никакой дури у него отродясь не было и со всякими сомнительными личностями он не якшается. Астахов развел руками и ответил:

– Не хочешь по-хорошему – будет по-плохому. Я пойду, ручку куплю – моя что-то писать перестала.

Таджик разинул рот – видимо, очень хотел спросить, при чем тут ручка? Но пока он собирался с духом и формулировал мысль, Астахов уже вышел из кабинета.

– Итак, гражданин Манафаров, – сухо проговорил опер, – давайте еще раз обсудим, каким образом при контрольной закупке в присутствии понятых у вас оказалось девять граммов высококачественного героина...

Таджик не успел и чирикнуть, как опер от всей души схватил его за нос и крутанул так, что из маленьких черных глазок барыги потекли несоразмерно громадные, можно сказать – крокодиловы слезы.

– Не пудри мне мозги, тварь! – цедил Решетников, выкручивая мясистый шнобель задержанного. – Ты в день по полсотни торчков обслуживаешь, к твоей хате не пройти, чтобы на какую-нибудь мразь не наступить, а ты мне песни поешь? Гнида, у тебя под дверями малолетки в собственной блевотине загибаются...

– Начальник, отпусти! – визжал Манафаров. – Да, мне Боженко продает, я все расскажу!

– Ну вот, совсем другой коленкор, – пробурчал Решетников, отпуская нос несчастного. Таджик осторожно дотронулся до пострадавшей части лица и захныкал: было больно.

– Так что ты сказал относительно Боженко? – напомнил опер.

– Он мне продает, – всхлипнул таджик. – Каждый день прихожу, беру по десять – пятнадцать граммов. У него товар проверенный, нормальный. Никогда не кидает.

Тут, конечно, у Решетникова имелись свои сведения. Как и любой поставщик наркотиков, цыган Боженко не имел ни совести, ни чести. И не упускал возможности обдурить тех, кто покупал у него героин или анашу.

– Так, уже прогресс. Поможешь Боженко взять?

Таджик съезился.

– Начальник, так меня же грохнут потом, если я его сдам...

– Кто тебя грохнет, хмырь, кому ты на фиг нужен? – презрительно спросил оперативник. – И вообще, тебе на нарах париться. Поможешь с Боженко – мы тебе срок скостим. Не сможешь... ну тогда будет у нас с тобой совсем другая история. Понимаешь, что я тебе говорю?

– Начальник, все понимаю, но и ты меня понимай. Меня же цыгане убьют. Они говорили сто раз – если что не так, пришьем и тебя, и всю родню...

Решетников тяжело вздохнул и смерил таджика брезгливым взглядом. Не толстый, но какой-то расплывчатый, этот тип не вызывал никакого чувства, кроме отвращения. И если бы не то, что через Манафарова можно выйти на более крупного дельца, оперативник давно бы уже отправил этого кадра в СИЗО. Взятая героина вполне хватало на то, чтобы закрыть таджика за сбыт в особо крупных размерах. И никто бы эту небритую дрожащую мразь отмывать не стал – не того полета птица. Но Боженко – это персонаж поинтереснее, и его торговля измеряется отнюдь не граммами. И потому надо торговаться, уговаривать, давить.

– Манафаров, ты дурак? Когда это цыгане что-то могли, кроме как языком болтать? Лично меня уже раз пять на сборище баронов приговаривали к смерти. И ничего, до сих пор живой. И ты тоже будешь жить.

– Начальник, тебе хорошо говорить – ты мент. Кто тебя тронет?

– Не ной, гнида, – пропел опер почти что ласково. – Я тебе еще раз говорю: или ты помогаешь нам, или я сделаю так, что и в СИЗО тебе мало не покажется, а потом на зоне. У меня тоже на тюрьме связи есть, если ты не знал.

Манафаров икнул, громко шмыгнул носом и пролепетал:

– Что надо-то, начальник?

– Все просто, Манафаров! Сейчас позвонишь Боженко, договоришься у него взять дурь, потому что тебе не хватило. А потом мы с тобой вместе поедим в гости. И не кривись. Если хочешь жить – будешь делать так, как я говорю. Понял? – Решетников навис над барыгой, как грозная туча.

В это время в кабинет зашел Астахов. Он держал в руке большую пластиковую бутылку с ядовито-оранжевым лимонадом.

– Ну, как тут у вас дела продвигаются?

– Продвигаются понемногу, – ответил Решетников, – Гражданин Манафаров согласен сотрудничать с органами в деле борьбы с незаконным оборотом наркотиков в особо крупных размерах.

– Начальник, все сделаю! – торопливо заверил таджик.

– Звони давай, – оперативник толкнул задержанного в плечо. – И смотри, чтобы без фокусов!

Манафаров схватил телефон, быстренько набрал номер и стал ждать ответа. Астахов отставил в сторону свой лимонад, который намеревался открыть. Решетников продолжал нависать над таджиком, как странная вариация на тему дамоклова меча.

– Рома! – радостно завопил Манафаров, когда в трубке ответили. – Ромочка, дорогой, нужен помощь твоя. Да, сегодня нужен, скорее. У меня клиенты много совсем, надо еще лекарства прикупить, слышишь? Нет, Коля, я не завтра, я сегодня хочу. Говорю, клиенты много, хотят, чтобы продавал. Хорошо, я приеду. Да, приеду скоро, один, как всегда, ты не бойся, пожалуйста!

Послушав немного, что ему отвечают в трубку, Манафаров мелким бесом рассыпался в витиеватом прощании, а потом нажал на кнопку отбоя и сказал:

– Есть товар, надо ехать. Начальник, ты только меня не подставь! У меня семья, дети-жена, мама-папа. Всем надо кушать, один я работаю. Сиротами всех оставишь, Аллах тебе не простит.

Астахов грохнул доньшком бутылки о стол. Газировка вспенилась.

– Ты Аллаха мне тут не поминай, – сказал фээсбэшник. – Он тебя тоже, между прочим, по головке не погладит за торговлю наркотиками. Сколько народу ты погубил... Ладно, что с тобой разговаривать! Когда ты приехать должен?

– Через два часа появиться надо.

– На чем приезжаешь обычно? – спросил Решетников.

– Да как когда. К Боженко приезжаю на метро или на автобус. А от него такси беру, чтобы товар не потерять.

– В этот раз будет тебе такси в обе стороны, – пробурчал Астахов.

Таджик уткнулся взглядом себе под ноги и непрерывно тяжело вздыхал.

– Все, хватит играть в обиженную институтку! – приказал оперуполномоченный. – По коням!

* * *

Кирпичная пятиэтажка, в которой обитал Боженко, имела дурную славу на всю округу. Да и не только она – весь этот двор по улице некоей Софьи Матрениной уже не первый год исправно повышал цифры в статистике местного РОВД. Причем в обе стороны – и совершения преступлений, и их раскрытия. Последняя причина объяснялась тем, что большинство преступлений и правонарушений совершали здесь не какие-то непризнанные гении криминального мира, а разное маргинальное отребье, в массе своей не имеющее ни мозгов ни хитрости.

Говорят, все началось с того, как в доме номер восемь три квартиры купили цыгане. Это случилось еще при Советском Союзе, когда оседлость считалась более приемлемой для этого народа с точки зрения государства. Ну, а мнением цыган или их потенциальных соседей никто и никогда не интересовался.

В результате три квартиры стали натуральным общежитием. Одновременно там обитали тридцать – сорок человек. Состав этой разношерстной братии постоянно менялся – кто-то отправлялся в бесконечные цыганские кочевья, кто-то приезжал на их место, рождались дети, умирали старики... Районные органы внутренних дел и паспортная служба не успевали отслеживать всех перемен. Для очистки совести время от времени на эти квартиры, записанные как притоны, совершались налеты и рейды, собиравшие довольно неплохую добычу с точки зрения статистики РОВД.

С матренинским притоном боролись несколько последних лет. Правда, делали это спустя рукава, потому что маленькие зарплаты милицейских работников открывали широчайший простор для коррупции. На то, чтобы торговцы дурью окончательно потеряли совесть и страх, понадобилось всего три года. И не слишком-то экзотичной была сцена, когда какой-нибудь

работник уголовного розыска или УБНОНа наслаждался свежими шашлыками в компании самых процветающих барыг матренинского притона, то и дело демонстрирующих свою приязнь к «удобным» стражам порядка.

И только последние три года наметились некоторые сдвиги в сторону улучшения обстановки. Сначала сменилось руководство Центрального управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Немного разобравшись в существующем положении дел, оно прямо заявило, что намерено как следует разобраться с заедающим механизмом структуры. По мнению нового руководства, необходимо как можно скорее разобраться с засильем коррупции в УБНОНе, уволить тех, кто не подходит для выполнения оперативной работы и, наконец, приступить к зачистке самых неблагополучных регионов столицы. Дело это, конечно, моментально не делалось, но положительные сдвиги заметили даже законченные скептики.

Совместная операция УБНОНа Москвы и ФСБ была одним из элементов плана «Ответный удар», недавно разработанного и запущенного в действие. План был обыкновенным и отличался только масштабностью – удары по наркоторговле наносились по всей территории Российской Федерации. За три месяца, в течение которого он шел, было задержано три с половиной тысячи крупных распространителей наркотиков, бесчисленно – мелкой шушеры, конфисковано и уничтожено около десяти тонн самой разнообразной дури.

Под раздачу, конечно же, попал и двор на улице Софьи Матрениной. Здесь спецслужбы не спешили, рассчитывая нанести один удар, после которого от «костяка» этого притона останутся рожки да ножки.

Таджика привезли к дому Боженко. Манафаров выбрался из автомобиля, втянул голову в плечи, осматриваясь. Оперуполномоченный Решетников, толкая его кулаком в бок, проворчал: – Чего стоим? Пошли уже!

Таджик шмыгнул носом и направился к подъезду. Через несколько шагов, с ним рядом топал уже не только Решетников, но и трое ребят из самых лихих и сноровистых в РОВД. Они должны были вламываться в квартиру первыми. Астахов предлагал своих людей в помощь, но Решетников ответил, что работать в такой ситуации предпочитает с теми, с кем уже успел пройти огонь, воду и медные трубы. Фээсбэшник не настаивал. Сработавшаяся группа, понимающая друг друга с полуслова, – это половина успеха. А вторая половина – знание местности, на которой предстоит работать оперативникам. И вот здесь-то люди старшего оперуполномоченного Решетникова имели явное преимущество.

Опера расположились по разные стороны от обшарпанной металлической двери. Манафаров остался на середине лестничной площадки, переминаясь с ноги на ногу. Решетников ткнул пальцем в дверь, как бы подталкивая таджика к действию. Манафаров скривился, воздел руки к небу, но наткнулся на суровый взгляд оперуполномоченного и нервно нажал на звонок.

Изнутри раздался шум, а потом хриплый голос спросил:

– Кого там черти несут?

– Брат, это я, Манафаров. Приехал, как договорились, надо забрать товар.

Громко, со скрежетом провернулся замок. Потом дверь приоткрылась – явно на цепочке. Таджик улыбнулся, открывая кривые, крупные зубы.

– Чего нетерпеливый такой? – спросили изнутри с характерным гортанным выговором. – Неужели завтра утром нельзя было?

– Да там просили люди, денег сказали привезут...

Манафаров взялся за ручку, потянул на себя дверь – и тут оперативники начали действовать.

Таджик получил сбоку внушительный пинок. Заорав что-то невразумительное, размахивая руками, он потерял равновесие и покатился вниз с лестницы – оперативник явно перестарался.

Боженко, сукин сын, имел просто потрясающую реакцию. Едва только началась завалуха, он даже не пытался рвануть дверь на себя, а вместо этого – зайцем поскакал в квартиру. Видимо, надеялся на то, что успеет смыть в унитаз наркотики. Решетников, ворвавшийся в квартиру первым, помчался следом за Боженко. Наверное, со стороны это выглядело весьма лихо – толстый цыган в ярко-красном шелковом халате с драконами, и за ним – квадратный, коротко стриженный мужик в короткой черной куртке. Оба топотали и сопели, а в квартире начинался суший бедлам. Верещали женщины, вопили дети, хрипло матерился какой-то мелкий невзрачный тип, которому набежавший оперативник от всей души приложил кулаком в скулу.

Решетников, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от цыгана, прыгнул вперед, и его кулак врезался между лопаток беглеца. Тот взвыл, полетел вперед головой и только чудом не надел себе на голову дорогой широкоформатный телевизор, стоявший на тумбочке у стены. Старший оперуполномоченный добавил Боженко еще и ногой по ребрам, а потом насел на него сверху, застегивая наручники на толстых волосатых запястьях.

Остальные четверо оперативников занимались подчисткой тылов за командиром. То есть раздавали плюхи направо и налево, укладывали мордой вниз встречного и поперечного, орали и грозили порвать любого, кто будет дергаться. Этот гвалт был отнюдь не лишним, потому что уже не раз и не два происходило такое, что буквально все, кто находился в досягаемости от улик, начинали их лихорадочно уничтожать – даже дети, которым, казалось бы, просто по возрасту не полагалось понимать, что и как.

Впрочем, на этот раз в квартире Боженко не ожидали подвоха, так что с укрытием улик ничего не вышло. Более того, костлявая жена цыгана, напоминающая Бабу-ягу в молодости, была опрокинута на пол прямо с обшарпанным полиэтиленовым пакетом в охапке. Боженко увидел это и заорал на супругу благим матом, мешая гортанные слова с русскими ругательствами. Цыганка что-то вопила в ответ, извиваясь под оперативником, который заламывал ей за спину руки, надевая наручники. Из угла комнаты бросился пацаненок лет восьми, напал на мента, как звереныш. Опер, практически не глядя, отмахнулся. Цыганенок врезался в шкаф, мебель содрогнулась, уронив на пол вазу, стоявшую на самом краю.

Решетников, поднявшись с пола, огляделся. Зрелище его глазам предстало сильное, хоть и привычное. Квартира, и без того не отличавшаяся чистотой, окончательно превратилась в бедлам. Парили на ковре мокрые осколки разбившегося чайника, россыпь какой-то подозрительной выпечки заняла немалую часть ковра, опрокинутый стол торчал вверх тремя ножками. В углу, как перепуганные индюки, скорчились трое цыган в возрасте от двадцати до тридцати лет. Старший оперуполномоченный презрительно фыркнул – вот стоит только шугануть эту шваль как следует, и всю их обычную наглость сдувает, как ветром.

– Мир вашему дому! – глумливо крикнул Решетников и вытер кровь со сбитой костяшки на правой кисти.

Астахов появился спустя минуту после окончания штурма. Одобрительно хмыкнув, пожал руку всем оперативникам и скомандовал:

– Принимайте их, и поехали в УБНОН. Будем оформлять.

За тем, как многочисленных обитателей квартиры Боженко трамбовали в автозак, наблюдал весь дом. Решетников погрозил им кулаком, дескать, и до вас доберемся. И с удовольствием отметил, что глумливых улыбок не последовало. Прогресс налицо – еще полгода назад эти твари только что не ржали ему в лицо. Ну что же, иногда праздник случается не только на улице всяких мразей... Наверное, так и должно быть по справедливости.

Глава 1

Клима Неверова разбудил телефон, зазвонивший в пять двадцать утра. Майор выругался, снял трубку и нисколько не удивился тому, что слышит полковника Веденева.

– Клим, немедленно в Центр! – сказал начальник. Как обычно, по его ровному голосу невозможно было судить ни о чем. Собственно, Неверов вообще не стал бы утверждать, что эмоции в голосе свойственны этому человеку. Он, наверное, даже на Страшном суде будет разговаривать, как электронный синтезатор речи.

– Товарищ полковник, что случилось? – спросил Неверов, вылезая из-под одеяла и топая в направлении ванной.

– Случилось, – ответил Веденев и повесил трубку. И вот это уже было очень нехорошим признаком. Приступы предельной лаконичности случались у полковника, только когда ситуация стремилась к безнадежности.

Клим сполоснулся под душем, оделся, слепил пару бутербродов, чтобы перекусить в автомобиле. На кофе, похоже, времени не оставалось.

В пять сорок Клим сел за руль. Москва еще только просыпалась, вяло шевелясь в зябких сентябрьских сумерках. Посмотрев на часы, Неверов «притопил» педаль газа. Уж от ГИБДД, случись чего, он как-нибудь отмажется. И никаких угрызений совести по этому поводу испытывать не станет. Одно дело – носиться по столице сломя голову просто потому, что ветер в голове и крутая тачка под задницей. И совсем другое – спешить на работу, зная, что от нее зависят жизни людей.

ГИБДД, впрочем, на дороге не попала. То ли погода не располагала к стоянию на улице с радаром, то ли это была небольшая компенсация за неудачно начавшееся утро.

Неверов, одной рукой управляя своим «ленд-круизером», второй развернул пакет с бутербродами и принялся за свой поспешный завтрак. Клим привык к таким трапезам на ходу – иногда это был единственный способ подкрепиться, учитывая особенности его профессиональной деятельности. Поразительно, что Неверов еще не заработал себе на этом деле гастрит или язву.

В пять пятьдесят восемь Клим припарковался на внутренней стоянке ФСБ во дворе здания на Лубянке. Часовой в стеклянной будке около служебного входа махнул ему рукой – он тоже служил здесь не первый год и прекрасно знал в лицо почти всех сотрудников. Неверов помахал в ответ, провел пропуском по считывающей полоске и, когда огонек на турникете из зеленого стал красным, прошел внутрь.

В такую рань в ФСБ практически никого не было, кроме нескольких дежурных сотрудников. Из-за этого коридоры здания были особенно гулкими, а поскольку было включено еще не все освещение, казалось, что оно разрослось до бесконечно огромного. Клим стремительно прошел по коридору, вошел в лифт и поднялся на пятый этаж. Здесь находилось Управление Антитеррористического центра при «Двойке» – Службе по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом. Здесь же располагался и офис Отдела быстрого реагирования, в котором работал Клим Неверов.

Отдел был, пожалуй, самым молодым подразделением Центра – ему было три года. В неофициальных документах и разговорах он именовался «Блицем», а его сотрудники иронично называли себя «спринтерами Двойки», намекая на цейтнот, в котором им, как правило, приходилось действовать. И так уж сложилось, что одновременно с тем, как оперативников ОБР стали так называть, слово «спринтер» получило очень уважительный оттенок – в других отделах и управлениях умели ценить чужой профессионализм.

Коридор, ведущий к дверям комнаты для совещаний ОБР, был темным, и Клим очень хорошо разглядел полоску света, пробивающуюся снизу. Это означало, что, кажется, «Блиц» должен был собраться если не в полном составе, то уж точно в подавляющем большинстве.

Неверов потянул на себя дверь и вошел.

Ну да, что и требовалось доказать. Во главе овального стола восседал полковник Веденеев – невзрачный тип с внешностью желчного юриста. У окна курила Ольга Крамник из аналитической группы, глядя поверх своих тонких очков в черной пластиковой оправе на что-то снаружи, понятное и заметное только ей. У стола в живописном распорядке расселись оперативники – соратники Неверова по отделу. Чертил на листе бумаги свои невразумительные рисунки Сигизмунд Марголин; откинувшись на спинку стула, прикрыв глаза, ровно дышал на окружающих флегматичный Витя Черемисин. Не хватало только Иванова, но он жил на другом конце Москвы и всегда появлялся с запозданием. Вместо него был Артем Гвоздев, неофициально считавшийся правой рукой Черемисина и настолько классный IT-специалист широкого профиля, что ему прощали и три серьги в левом ухе, и серебряную «штангу» в брови, и ярко-красные волосы. Еще один стул около Веденева был отодвинут, и на столе около него лежала кожаная папка-чехол для малогабаритного ноутбука. Ни у кого из работников отдела Клим такого не помнил.

– Всем доброго утра! – сказал Неверов, отодвигая для себя стул. – Хотя, судя по всему, к сегодняшним реалиям это не относится.

Дверь комнаты для совещаний открылась, и вошел человек, которого Клим раньше не видел. Худощавый, интеллигентный, напоминавший профессора в престижном институте. Он поздоровался персонально с Неверовым и сел как раз на стул, перед которым лежал ноутбук.

– Можем начинать, – сказал Веденеев. – Говорить будет майор Астахов, Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Это было необычно. УБНОН ФСБ, конечно, пересекался с антитеррористическим подразделением Федеральной службы безопасности, но впервые Клим видел их человека в «Блице» в качестве, так сказать, виновника торжества.

Астахов поправил очки, став похожим на школьного учителя. Причем даже не строгого, а скорее размазную и добряка, мучающегося совестью по поводу каждой поставленной двойки.

– Вчера в рамках плана «Ответный удар» нами проводилась операция по задержанию крупного распространителя наркотиков некоего Романа Ивановича Боженко, цыгана из знаменитого матренинского притона. Взяли тепленьким, нашли столько наркотиков, что из тюрьмы он теперь выйдет очень не скоро. Боженко это понял и начал торговаться. Сказал, что готов «слить» нам своих поставщиков, и таких же распространителей, как сам. Не говоря уж о дилерах пожиже. Мы, ясное дело, активно участвовали в процессе, чтобы выдать из него как можно больше...

Астахов глянул на часы и продолжил:

– Часа три назад Боженко сказал, что знает о террористическом акте, готовящемся в Москве. Он утверждает, что этот теракт должен состояться в самое ближайшее время.

– Насколько ближайшее? – спросил Марголин, отрываясь от своего абстрактного рисования.

– От нескольких дней до нескольких часов, – ответил Астахов.

– И насколько его сообщение достоверно? – спросил Неверов.

– Это тебе проверять, – раскатился над кабинетом голос Веденева.

– Боженко очень не радуют сроки, на которые он может загреметь на зону, – сказал Астахов. – В общей сложности мы спокойно можем попросить для него тридцать пять лет заключения. Ему сейчас сорок семь лет – можете представить, когда он выйдет и выйдет ли вообще. Поэтому цыган настроен выторговывать для себя все, что можно.

– Хорошо. Он сообщил только о возможности теракта или дал какую-то конкретную информацию? – спросил Клим.

– Боженко сказал, что при нем шел телефонный разговор о предоставлении машины для перевозки некоего груза. Разговор вел цыганский барон Гыча Лузянинов – наш фигурант был

у него в прошлую пятницу, договариваясь о финансовых делах своего клана. Лузянинов разговаривал с кем-то довольно долго и сказал буквально следующее: «Только ты смотри, чтобы мой водитель вернулся живым, а то уж очень груз у тебя нехороший!» А чуть попозже добавил: «Предупредишь моих людей, когда начнется, чтобы никто не погиб!»

– Туманно, если честно, – покачал головой Неверов.

– Расслабились, привыкли к тому, что информации разлитое море. – подала голос Ольга. – Давайте думать, бойцы!

– Боженко нужен нам для допроса, – сразу же сказал Веденеев.

– Да хоть сейчас забирайте, – пожал плечами Астахов. – Он в допросной до сих пор сидит.

Мы так и подумали, что отправлять его в камеру нет смысла.

– Закончим здесь – я за него возьмусь, – сказал Неверов. – Но позвольте спросить, Андрей Прохорович, вы уверены, что есть причина устраивать весь этот сыр-бор?

– Работа такая. Если ты не понял еще, – буркнул Веденеев, и Клим отстал. Уж чему-чему, а феноменальному чутью полковника на разного рода кризисы он верил. Опять-таки, когда речь заходит о терроризме – лучше переборщить с бдительностью, чем пропустить мимо ушей предупреждение. Увы, Неверову доводилось проигрывать в противостоянии мразям. И иногда, когда на Клима накатывало, он буквально видел укоризненные глаза тех, кого не удалось спасти.

– Вообще, есть еще момент, который заставляет задуматься, – сказал Астахов. – Со слов цыганского барона можно утверждать, что угроза вряд ли будет иметь адресный характер. Скорее речь идет о таком террористическом нападении, которое ставит своей целью унести как можно большее количество жизней, не считаясь с тем, кому эти жизни принадлежат. Взрыв в общественном месте, например. Мы успели собрать немного информации о перемещениях цыган из клана Лузянинова. И оказалось, что из ста сорока человек, которые признают его своим лидером, за последнюю неделю из Москвы уехало пятьдесят восемь человек.

– Это не слишком удивительно, – покачал головой Марголин. – Цыгане часто разъезжают.

– Сезон заканчивается, – покачал головой Астахов. – Все, кто могли сорвать себе выгодную работу, – сорвали. К тому же эти люди снимались целыми семьями. Когда уезжают мужчины – это одно, а вот отъезд семей в полном составе, да еще так стихийно, может значить совсем другое.

– Особенно если знать про то, что сказал Тыча, – согласился Сигизмунд.

– Я так думаю, что пора мне навестить этого цыганского барона, – сказал Неверов. – Возражения имеются?

– Работай, – буркнул полковник Веденеев, – пока мы тут головы друг другу дурим.

– А как насчет формальной причины моего визита к Лузянину? Или мы уже миновали стадию пустого документального формализма и мне можно открывать двери к подозреваемым ногами?

Веденеев хмыкнул и вопросительно посмотрел на Астахова. Тот развел руками.

– У нас тоже ничего.

Майор Неверов вздохнул.

– Ладно, хрен с ним. Но отмазывать меня потом сами будете, если «телеги» пойдут.

Впрочем, Неверову уже самому казалось, что отмазываться не придется. То ли паранойя проснулась ни к селу ни к городу, то ли на самом деле над столицей сгустились тучи...

Оказавшись на лестнице, Клим вытащил рацию.

– Дежурная группа, на выход! – приказал он.

* * *

Люди, которые работали здесь, являлись всего-навсего приложением к тоннам целлюлозы, хранившим на себе историю в самом концентрированном проявлении – в виде печатных и рукописных строк, штемпелей и картонных обложек. Казалось, бумага заполонила здесь все – двери по-бумажному шуршали, открываясь, а в любом месте здания воздух пах старыми страницами и типографской краской. И даже шаги охранника, идущего по коридору цокольного этажа, раздавались газетным шелестом.

Из трех охранников, несущих свою службу в Центральном архиве, Макарыч был самым принципиальным и въедливым – сказывались годы службы во внутренних войсках. Охрана исправительных учреждений, конвой и наблюдение за заключенными – все это сделало его абсолютно несносным типом, с точки зрения окружающих. Он внимательно рассматривал пропуск даже тех сотрудников, которые были ему знакомы, никогда не упуская возможности не пустить забывчивых без скандала и записи в регистрационной книге. Хотя, конечно, это распространялось только на рядовых сотрудников – Макарыч не рискнул бы наехать на руководство. Перед тем, кто имел хоть какую-то власть в архиве, он был угодлив и предупредителен.

С другой стороны, из всех охранников только Макарыч имел привычку проводить тщательный обход всех этажей архива, начиная с самого верха и заканчивая подвалами архива. Хотя до сих пор все попытки хищения документов совершались самими сотрудниками. А чему, спрашивается, удивляться, если заработная плата архивного работника с точки зрения потребительской корзины и элементарного здравого смысла находится где-то в пределах от смехотворной до ничтожной? И если находится кто-то, имеющий интерес к старым документам, а заодно располагающий деньгами, он способен сделать такое предложение, от которого не сможет отказаться человек, едва сводящий концы с концами. Правда, борьбой с такими персонажами занимался не Макарыч...

Зато ему нравилось чувствовать собственную значимость, неторопливо вышагивая с фонариком по темным коридорам. А еще – этот обход действовал на охранника, как легкий наркотик. Ровный шаг, золотистое пятно фонарного света, легкое эхо, шуршащее в воздухе. Макарыч после обхода чувствовал себя помолодевшим на несколько лет.

Смена охраны происходила в восемь утра. Незадолго до шести часов Макарыч отправлялся в обход последний, третий раз за ночь.

Вначале он услышал шум. Очень характерный шум плещущейся воды, раздающийся в коридоре второго этажа. Макарыч удивленно прислушался, а затем его нога наступила в лужу. Охранник перевел луч фонарика вниз и увидел, что на линолеумном полу растекается водоем поперечником метра два, если не больше. А из-под двери с номером двести тринадцать разбегаются маленькие волны, свидетельствующие, что источник стихийного бедствия находится именно внутри данного помещения.

Мгновенно представив себе последствия близкого контакта воды и бумаги, Макарыч выругался и галопом умчался вниз, на пост, – надо было срочно вызывать водопроводчиков, пока еще имелась надежда на то, что хотя бы часть того, что хранится в этой комнате, можно будет сохранить для потомков.

Договорившись с водоканалом, охранник набрал номер директора архива Марии Павловны Громыко. Он полагал, что в такой ситуации может позволить себе потревожить вышестоящее начальство.

Голос Марии Павловны в трубке не был заspanным. Нормальное явление – пожилые люди чаще всего просыпаются рано утром. Особенности поколения, что уж тут поделаться...

– Мария Павловна, это беспокоит Каратаев, дежурный из архива. У нас здесь чрезвычайное происшествие, требующее вашего присутствия.

– Что там у вас случилось? – встревоженно осведомилась директриса. – Пожар, что ли?
– Судя по всему, прорвало трубу – я нашел большую лужу на полу коридора на втором этаже. Вода вытекает из-под двери двести тринадцатой комнаты. Я вызвал аварийную...

Голос директрисы стал значительно холоднее.

– И зачем, позвольте спросить, понадобилось мое присутствие? Что я могу? Заткнуть трубу своим телом?

– Мария Павловна, но должно присутствовать должностное лицо – мне понадобится вскрывать комнату...

– Послушайте, а вы что, не должностное лицо? – раздраженно спросила Мария Павловна. – У вас есть все ключи, возьмите и откройте двери. И присутствуйте, раз уж так необходимо...

Макарыч растерялся. Он понимал, что за те деньги, которые платили на этой работе, трудно рассчитывать на служебное рвение, но вот так, в лоб, наталкиваться на подобное пренебрежение от самого главного лица учреждения – это было для него непростым испытанием. Хотя бы потому, что если бы подобное отношение к работе проявил любой из людей, стоящих ниже на служебной лестнице, он немедленно пожаловался бы на него выше по служебной лестнице. А вот кому жаловаться на директора?

– Мария Павловна, так мне и внизу тоже надо быть, я не могу пополам порваться.

– Так, господин хороший: разбирайтесь сами! Мне здесь внуков надо в садик собрать и отвести. Приеду как обычно.

Директриса повесила трубку. Макарыч жалобно посмотрел на телефонный аппарат, но эта пластмассовая штука никаким образом не могла проявить к нему сочувствие.

Охранник собирался было позвонить кому-нибудь рангом пониже, но как раз в это время в дверь архива позвонили. Пронзительная, хриплая трель разнеслась по коридорам архива. Макарыч чертыхнулся и повесил трубку, поспешив на зов.

Около крыльца стоял потрепанный фургон с надписью «Мосводоканал». Перед дверью топтался сумрачный темнолицый парень лет двадцати пяти.

– Аварийную вызывали? – спросил он с хорошо заметным южным акцентом.

Макарыч поморщился. Он недолюбливал всех приезжих, а к выходцам из бывших южных республик СССР относился неприязненно. Откровенно говоря, если бы на то была его воля, охранник не пускал бы в столицу России вообще никаких иммигрантов. И уж точно он бы не хотел, чтобы этот конкретно взятый тип заходил на его территорию.

С постной физиономией Макарыч сделал пару шагов назад, впуская рабочего внутрь.

– Показывайте, где проблема, – сказал тот. Голос был раздражающе вежливым.

– Сейчас, возьму ключи от комнаты. Там точно придется двери открывать, – проворчал охранник. Рабочий кивнул, а пока Макарыч ходил за ключами, в помещение зашли еще двое его коллег. Из них один – среднего возраста, плотный и с красным лицом, выдающим пристрастие к спиртному, а второй – крупный, напоминающий сурка тип. Скорее всего – бурят. Макарыч помнил людей этой национальности еще по армии и мог отличить их от казахов или узбеков.

За то время, которое понадобилось Макарычу на текущие дела, лужа успела распространиться на большую часть коридора. Охранник, увидев это, выругался в сердцах.

– Открывайте, откуда течет! – сказал темноволосый водопроводчик. Макарыч, прошлепав по луже, открыл двести тринадцатую комнату.

Судя по тому, как хлынуло, дверь играла роль своеобразной плотины, сдерживавшей в комнате некоторую часть воды. Макарыч распахнул ее – и с громким бульканьем через низкий порог хлынул поток мутной жидкости с отчетливым запахом ржавчины. Охранник чертыхнулся и отошел назад.

Шлепая резиновыми сапогами, водопроводчики зашли в комнату. Наметанным взглядом окинув комнату, они разошлись в разные стороны. Южанин повернулся к Макарычу и сказал:

– Надо было бы отсюда вынести бумаги. Потому что мы работать будем – запачкаем, размажем тут все... Плохо будет.

Охранник почесал затылок, потом махнул рукой, приглашая следовать за собой.

– Я вам открою служебку здесь. Вынесете из нее стремянку и пару ящичков, возьмете у меня старые газеты, чтоб на пол постелить, и тогда перетаскаете все туда. Только не разбрасывайте сильно, чтобы документы не потерялись...

Бросив тоскливый взгляд на помещение, которое он оставлял без присмотра, Макарыч пошел на первый этаж за ключами от бытовки.

В это время рабочий с южной внешностью окинул помещение цепким взглядом. Если бы кто-то обратил на него внимание в этот момент и если бы этот наблюдатель обладал хотя бы зачатками аналитического мышления, он спокойно мог бы сказать, что этот тип в форме водоканала точно знает, куда ему смотреть в этом помещении.

Внимания, разумеется, не обратил никто. Рабочий-славянин топтался в коридоре, сокрушенно рассматривая расширяющуюся лужу на полу. Бурят изучал источник повреждения – кран на вертикальной трубе у дальней стены. Вода из него хлестала весьма насыщенно. По штукатурке на стене уже растеклась громадная клякса, на полу плескалось сантиметра четыре мутной жидкости, а брызги из прохудившегося крана изрядно замочили два ближних стеллажа – с них буквально текло. Папки на полках уже изрядно разбухли, так что зрелище было душераздирающее. Может, и к лучшему, что рядом не оказалось никого из работников архива. Эти «бумажные черви», работающие здесь за мизерную зарплату, воспринимали повреждения содержимого полок, как раны, нанесенные живому организму.

Через пять минут Макарыч открыл бытовку, с помощью водопроводчиков вынес из нее все содержимое, и началась транспортировка содержимого стеллажей из двести тринадцатой.

Южанин улучил момент так, чтобы оказаться в комнате в одиночку. Бросив короткий взгляд на дверь, он подошел к третьему стеллажу слева от входной двери. Стеллаж стоял вне зоны досягаемости брызг, но с учетом предстоящего здесь ремонта трубы папки с него тоже надо было перенести в освобожденную бытовку. Южанин, шевеля губами, пробежал пальцами по корешкам папок, остановившись на одной, ничем не примечательной, картонной, с мало-разборчивыми штампами на картонной обложке и с внятной надписью химическим карандашом: «Народный комиссариат искусства и просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической республики». Еще раз глянув на дверь, южанин положил папку во внутренний карман. Потом деловито ухватил целую охапку других с того же стеллажа и понес их в бытовку. Находясь в коридоре, он выверил скорость своего перемещения так, чтобы оказаться там в одиночку.

Как он и ожидал, порядка не было – несколько беспорядочных куч канцелярских папок громоздились у стен помещения. Возможно, за этим и собирались проследить, но реально эта задача была невыполнима. Не было ни времени, ни людей, которые могли бы проследить за тем, какие папки где размещаются.

Южанин подошел к сложенным папкам и двинул каждую из них. Папки перемешались. Довольно хмыкнув, он добавил то, что было в его руках, к образовавшемуся хаосу. Потом спокойно отправился за новыми бумагами.

Надо ли говорить, что никто не заметил той единственной тонкой папки, которую водопроводчик сунул в просторный внутренний карман своей спецовки...

Глава 2

Гыча Лузянинов жил с размахом даже по московским меркам. Коттедж из импортного красного кирпича, огороженный забором, мощные дорожки, и как будто для того, чтобы подчеркнуть, что хозяин – цыган, на обширном газоне сбоку от здания стоял большой полосатый шатер. Насколько можно было судить по суете, барон в настоящее время жил именно в этом сооружении.

Неверов и группа прибыли хоть и без лишнего шума, но все-таки эффектно: шумно остановились у калитки, высыпали из микроавтобуса в полном составе – семь человек в черной полевой форме без опознавательных знаков и в вязаных масках. Забор был ими преодолен в течение двух секунд – никто не морочился тем, чтобы звонить хозяину. Майор Неверов был единственным, кто вошел во двор усадьбы через калитку – один из бойцов открыл ее изнутри.

Гыча вышел из шатра в бордовом шелковом кимоно и шлепанцах на босу ногу. Крепкий, высокий, с роскошной черно-серебряной шевелюрой и такой же бородой, цыганский барон напоминал актера Михая Волонтира – того самого Будулая, за перипетиями жизни которого следил весь СССР. Он с интересом следил за тем, как его усадьбу берут штурмом.

– Доброе утро, уважаемый! – сказал он, когда Неверов оказался в нескольких шагах. – Не расскажете, что за учреждение пожаловало ко мне в гости в столь ранний час?

– Федеральная служба безопасности, майор Неверов, – Клим показал удостоверение.

Лузянинов прочитал, что визит ему нанесло антитеррористическое подразделение, и на лице у него отразилось нешуточное любопытство. Но, насколько разглядел Клим, ни единая мышца не дрогнула на лице этого человека, ни на йоту не изменилось выражение его глаз. Хотя, быть может, цыган просто умел гениально блефовать. В последнее майор не верил – произвольные реакции есть у всех!

– Пройдем в дом, – сказал цыган. – Присядем в гостевой комнате, поговорим...

– Мы пришли не в гости, – покачал головой Неверов.

– Я это прекрасно понимаю. Но где-то же нам надо поговорить нормально?

– Ну пойдете, – сказал Неверов.

Гыча жестом показал следовать за ним и вальяжной походкой двинулся к коттеджу.

Оказавшись в прихожей и оглядевшись, Клим подумал, что налицо конфликт культур и мировоззрений. Архитектор, который возводил коттедж, старался аккуратно на те деньги, которые были ему заплачены. В этом доме не постеснялись бы жить даже те богачи, которые в придачу к своим средствам обладали еще и вкусом. А вот внутри дом был просто кричаще роскошен. Везде, куда только падал взгляд, встречались блестящие предметы либо вещи очень яркого цвета. Интерьеры куда больше соответствовали хозяину, чем наружное обличье дома. Хотя, быть может, Гыча просто купил дом у кого-то? Тогда понятно, почему он такой элегантный.

Неверов проследил, чтобы все население коттеджа было собрано в одном помещении и лишено возможности свободного перемещения. А сам захватил с собой самого внушительного бойца для нагнетания атмосферы и вместе с хозяином устроился в большой комнате на первом этаже. Так и хочется сказать – в «кабинете», но с поправкой на то, кто хозяин, можно сказать, что это просто его апартаменты.

– Что вам нужно? – спросил Гыча.

– Мне нужно знать, что твои люди ввезли в Москву примерно неделю назад?

Лузянинов удивленно вскинул брови.

– У меня много людей, и многие из них работают водителями. Может, точнее спросите?

Неверов улыбнулся.

– Тыча, ты прекрасно знаешь, о чем я спрашиваю. Меня не интересуют строительные материалы, продукты, мебель... Есть некий груз, который ты помог провезти в Москву на прошлой неделе. И мне нужно знать, что это было.

Лузянинов развел руками и сделал такое лицо, как будто ему было искренне жаль, что работник ФСБ ведет себя так глупо.

– Товарищ начальник, мне бы надо точнее знать, что вы ищете. И вообще, если вы говорите, что какой-то мой человек провез что-то противозаконное, может быть, вы просто возьмете его?

Неверов вздохнул. У него не было никаких реальных зацепок. Опять приходилось действовать наобум.

– Тыча, давай начистоту, – сказал майор Неверов. – У нас есть информация, что неделю назад ты давал разрешение кому-то из своих людей перевезти какой-то груз, опасный для окружающих. Ты попросил, чтобы те, кто заказывал перевозку этого груза, предупредили о его применении, чтобы ты мог спасти от опасности своих людей. И знаешь, какая интересная вещь? В последние дни чуть ли не половина твоего клана слиняла из Москвы в полном составе – от мала до велика. Это подозрительно.

Лузянинов развел руками – как будто бы говорил: «Ну, это ваша работа – подозревать! А вот что делать несчастному цыгану, который вынужден начинать утро с «маски-шоу»?

– Гыча, – Неверов посмотрел в глаза цыгану.

Лузянинова передернуло – был у Клима такой характерный змеиный взгляд. От него те, на кого смотрел Неверов, начинали чувствовать себя как одинокий бандерлог перед удавом Каа. Цыган в этом плане исключением не был – он, кажется, даже побледнел, насколько это можно было понять по его смуглой коже.

– Гыча, я пришел к тебе по-хорошему. Пока по-хорошему. Но если хочешь кочевряжиться, то могу поменять тональность беседы. И например, проверить твои телефонные звонки за неделю. Там ведь найдется много интересного, правда, Гыча? Ты там будешь говорить со своими людьми, приказывать им уехать из Москвы. И возможно, где-то проскользнет причина, по которой они должны это сделать. И тогда я тебя посажу за соучастие в организации террористического акта. Хочешь?

Лузянинов непроизвольно сглотнул. Он не был героем и по большому счету не был даже смельчаком. Чуть более хитрый, наглый и злой, чем те, кем он командовал. На фоне того, что из себя представляет масса цыган, такие личные качества даже не выдающиеся.

– Подумай, Гыча! – голос Неверова прозвучал, как стук молотка, вбивающего гвозди в крышку гроба. – Ведь если мы докопаемся до твоих разговоров и если в Москве что-то произойдет – ты сядешь очень и очень надолго.

Гыча был по-своему умен, но высокие технологии однозначно не были его сильной стороной. Умея пользоваться сотовым телефоном, он слабо представлял себе, как это устройство работает. И допускал возможность, что всемогущие спецслужбы, если им приспичит, действительно сумеют узнать, про что и с кем он разговаривал в последнее время.

А сидеть Лузянинов не хотел.

– Не знаю я этого человека. Он связался со мной две недели назад, велел звать себя Игорем. Сказал, что ему надо будет перевезти очень серьезный и опасный груз. Очень хорошо платил за это...

– И ты согласился, – Неверов не спрашивал, а утверждал. – Хорошо, а что за груз?

– Да ничего он не сказал. Просто груз, и все тут.

– А почему тогда твои люди из Москвы разбегаются, как тараканы?

– Так я у него спросил, что за груз и надо ли моему человеку за него опасаться. Ну, я имею в виду, тому, который повезет. Игорь сказал, что этому, наверное, и не надо. Но вот остальным надо быть поосторожнее в ближайшие дни.

– А иначе что? – нахмурился Неверов.

– Он не сказал... – потупился Лузянинов. Кажется, он не врал.

Клим потер подбородок, с неудовольствием чувствуя под рукой вчерашнюю щетину. Вот чертов день, теперь ведь неизвестно, когда получится побриться!

– Кто вез груз?

– Толик Марченко – он работает на «газели»...

– Ну рассказывай, как нам твоего Толика найти! – приказал Неверов.

Лузянинов быстро продиктовал домашний адрес. И уточнил:

– Да это десять минут ходьбы отсюда, прямо в поселке... Только вы поскорей бы, а то он на работу в восемь утра уезжает...

Неверов, засовывая бумажку с адресом в нагрудный карман, сказал:

– Следите, чтобы никто отсюда никуда не вышел. Никаких телефонных звонков, никаких контактов с внешним миром. Я пошел брать Марченко!

Лузянинов, сидя за столом, скорбно понурил голову. Он прекрасно понимал, что главные неприятности у него еще впереди. И наверное, сильно жалел, что согласился на предложение этого загадочного Игоря, пусть даже оно так щедро оплачивалось...

Неверов жестами приказал двоим бойцам следовать за ним. Бегом пробежав расстояние до микроавтобуса, Клим отдал приказ водителю. Тот ввел адрес в GPS-навигатор и рванул с места, лихо пробуксовывая колесами по асфальту. Клим ухватился за ручку на дверце – при езде по поселковым улицам на такой скорости транспортное средство нещадно швыряло.

Три минуты мельтешения разномастных домов – и они прибыли. Микроавтобус, клюнув носом, остановился возле невысоких покосившихся железных ворот, за которыми виднелся заурядный грязный двор, обшарпанный одноэтажный дом классического внешнего вида и грязная белая «газель», припаркованная во дворе. Возле грузовичка возился длинный парень славянской внешности.

Транспорт оперативной группы припарковался шумно. Парень повернулся и увидел троих мужиков угрожающего внешнего вида, выскакивающих прямо у его калитки из черного микроавтобуса с тонированными стеклами. Рефлексы у него, судя по всему, были нормально натренированы жизнью, – бросив на землю какую-то железяку, парень бросился за дом.

Неверов чертыхнулся и бросился следом. Гулко протопав по двору, он завернул за тот же угол, что и шофер. И увидел, что беглец уже схватился за забор и вот-вот перемахнет на другую сторону. Клим нагнулся, подхватил обломок кирпича и изо всех сил запустил им в беглеца. Просвистев в воздухе, кирпич нашел свою цель как раз тогда, когда она находилась в пути от верхушки забора до земли. Удар пришелся вскользь по голове.

Марченко заорал и упал на колени, зажимая руками ушибленное место. Сквозь пальцы потекли густые темные капли.

Неверов уже забирался на забор. Толик встал на ноги и, пошатываясь, бросился бежать по улице. За забором по левой стороне подняла истеричный лай какая-то мелкая шавка неопределенной породы.

– Стой, Марченко! – крикнул Неверов. – Стрелять буду!

Шофер в ответ на это только припустил быстрее. Неверов тоже поднажал. Дистанция начала сокращаться.

Впереди шла девочка лет десяти. Марченко поравнялся с ней и вдруг резко притормозил, схватил ребенка за руку, развернул спиной к себе и упал на одно колено, прикрываясь девочкой, как щитом. Несчастливая школьница громко и пронзительно закричала.

– Заткнись, сука! – прохрипел Марченко ей в ухо, а потом крикнул Неверову: – Мент, отвали, а то я ее прикончу!

В грязной руке шофера появилось что-то металлическое и острое – не то гвоздь, не то шило, которое он приставил к шейке девочки. Та завизжала еще громче. Марченко сильно встряхнул ее и опять рявкнул в ухо:

– Я тебе сказал, гнида малая, заткнись, пока не запорол!

Девочка замолчала.

Неверов, остановившись шагах в пяти от беглеца и его нечаянной заложницы, сказал ровным спокойным голосом:

– Нам поговорить надо. Отпусти девочку.

– На х... пошел! Поговорить. Знаю я твои поганые разговоры, мусор недоделанный! Я ее сейчас зарежу на х...й!

– Толик, не надо никого резать. Чего ты вообще дергаешься? Мы тебя что, арестовывать шли, что ли? Я говорю: есть срочный разговор. Ну отпусти девочку, давай по-хорошему...

– Я ее зарежу! Убью ее на хрен! Все отвалите! – изо рта у Марченко в буквальном смысле пошла пена. Это было весьма скверно – подонок накручивал себя, и черт знает чем это могло закончиться в ближайшей перспективе.

Жертв среди мирного населения Климу не хотелось.

– Доченька! – раздался крик у него за спиной.

– Твою мать! – шепотом, но очень эмоционально выругался майор и повернулся на голос для того, чтобы схватить растрепанную и перепуганную мать школьницы. Порыв женщины был очень понятен, но Марченко сейчас вряд ли оценил материнский порыв и мог бы на самом деле причинить вред девочке.

– Отпустите! – крикнула женщина.

Если бы Неверов был один, то Марченко наверняка бы не упустил возможности сейчас припустить как можно скорее отсюда. Но пока Климу держал вырывающуюся, пытающуюся его укусить женщину, двое бойцов силовой группы всем своим видом выражали готовность удержать беглеца от излишне активных действий.

Неверов справился с матерью девочки и передал ее с рук на руки одному из бойцов. Потер ушибленную скулу, поморщился, увидев здоровенную царяпину на левом запястье.

– Марченко, отпусти девочку, – устало повторил Неверов.

– Хрен тебе, мусор! – крикнул шофер и сильнее прижал к горлу девочки свое орудие. – Дайте мне уйти, или ей крышка.

– Доченька! – хрипло закричала женщина, вырываясь от державшего ее дюжего спецназовца. Боец бормотал что-то извиняющееся, но хватки не ослаблял.

Вокруг стал подтягиваться народ. Жители окрестных домов, привлеченные редким зрелищем, стали толпиться на месте действия. Никто не приближался слишком близко. Страх был достаточно веским аргументом, чтобы не пытаться выбрать место с лучшим обзором.

В общем гвалте никто не услышал тихого хлопка, донесшегося слева. Марченко вдруг подпрыгнул на месте, выпустил девочку, выронил свое шило и упал на задницу, громко вопя от боли. Девочка бросилась к матери. И только теперь удалось разглядеть рваную дырку на замызганной рубашке шофера. Из дырки капала кровь.

Из-за забора Неверову помахал рукой третий боец из силовой группы. Климу вздохнул – это было очень кстати. Махнув в ответ, Климу подошел к Толику, находившемуся в состоянии легкого шока (очень естественно для человека, в которого впервые в жизни попала пуля), и уложил его на грязный асфальт физиономией вниз. Марченко взвыл, когда майор Неверов заломил ему руки за спину и защелкнул на них наручники.

Боец, так радикально разрешивший ситуацию, подошел к Климу.

– Я его не сильно обидел? – глухо прозвучало из-под вязаной маски.

– Нормально, в самый раз, – усмехнулся Неверов. – А скажи на милость, откуда ты взялся так удачно?

– Я водитель, – буркнул боец. – Мне по рации сказали, что у вас тут непруха и надо приблизиться с другой стороны.

– Кто самый умный? – спросил Клим, ставя на ноги цыгана.

– Литвиненко, – кивнул водитель в сторону того бойца, который не держал мать девочки. Кстати, сейчас женщина и ребенок являли собой совершенно трогательное зрелище.

– Молоток! – кивнул Неверов и повел скулящего шофера к микроавтобусу.

– Что вам от меня надо? Я ничего не сделал... – хныкал Марченко. – перевяжите меня! Кровь же течет, я умру...

– Сдохнешь – закопаем, – буркнул Клим прямо на ухо шоферу. Тот моментально заткнулся.

Через пять минут в доме Гычи Лузянинова стало на одного человека больше. Цыганский барон посмотрел на Марченко как солдат на вошь и спросил:

– А его сюда обязательно было тащить?

– Гыча, сделай милость, не нервируй меня. Лимит терпения исчерпан полностью, так что не напрашивайся на неприятности!

Усадив всхлипывающего Марченко на табуретку, Неверов приказал отвести Лузянинова к остальным домашним. Барон вздохнул, но возражать и вообще проявлять лишнюю активность больше не отваживался.

– Ну что, братец, я должен тебя поздравить? Ты конченный debil, – на такой ноте Клим начал разговор с Марченко.

– перевяжите меня, – захныкал Толик.

– Обязательно перевяжем. Но сначала ты мне скажешь то, что я хочу слышать. Услуга за услугу... И не надо говорить, что это противозаконно – ты пока сам не представляешь, во что вляпался. Если будет надо, я тебя прямо в этом доме под линолеум закатаю...

Марченко покосился на кровоточившее плечо, чуть пошевелил им и застонал. Пуля сидела внутри, и любое, даже самое мелкое, движение вызывало адскую боль. На него даже давить не надо, он сам сейчас готов рассказать все что угодно. Причем Климу еще и самому придется следить, чтобы случайно не получить от задержанного лишней информации, выдуманной просто для того, чтобы угодить злому мусору.

– Толик. Примерно неделю назад ты что-то вез на своей машине ночью по приказу Гычи Лузянинова. Правильно?

Марченко замешкался на секунду, но снова дернул простреленным плечом, охнул и отчаянно затряс головой.

– Да, да, я возил. В субботу. Но я не знаю, что возил, – просто какие-то мешки. Десять штук, большие, тяжелые, я их еле поднимал... Килограмм по шестьдесят в каждом. Я не знаю, что там было.

– Что за мешки?

– Как для картошки, пластиковые... не полиэтиленовые, а из полосок...

– Что за люди тебе их передавали?

– Я не знаю. Просто люди – русские, кажется, никаких кавказцев, никого. Я не знаю, кто они такие. Они не назывались, вообще почти не разговаривали. Просто сказали, чтобы я забирал мешки, складывал их в машине и отвез куда надо.

– Откуда забирал и куда было надо? – спросил Неверов.

– Забирал из гаражного комплекса на Сельскохозяйственной улице, а отвозил на Проектируемый переулок, на склад... Я могу показать!

– Можешь. И покажешь! – вздохнул Неверов. Ясно было, что, кем бы ни были эти заказчики, за неделю их уже и след простыл. Хотя всякое случается на свете. Надо поднимать в ружье дополнительные силы.

– Что за люди грузили и разгружали? Приметы помнишь?

– Да какие приметы? Темно было, как в заднице. Я только видел, что они русские. Ну или не русские, но точно не чечены никакие, не грузины...

– Я понял, не ной. Ты вез груз сам?

– Они со мной ехали. На «девятке» темной. Черной, скорее всего. Номер не помню. Регион, кажется, московский. Да, точно. Три цифры я точно разглядел. Но номера не помню... Начальник, во что я вляпался?

– Ты, Марченко, в терроризм вляпался, – вздохнул Неверов. – А еще в захват заложников. Заработал себе лет пятнадцать навскидку!

– Начальник, я же ни в чем не виноват...

– Закрой пасть, – отмахнулся Неверов. – Будешь оправдываться перед судом и прокурором...

Набрав номер подразделения, Неверов сказал:

– Принимайте грузовик – в кузове должны остаться следы того, что на нем перевозили, а также водителя – может быть, удастся в спокойной обстановке вытянуть из него больше, чем удалось мне. Сигизмунд близко? Дай ему трубку... Привет, Гизмо, слушай меня. Поднимай на ноги вторую оперативную группу, бери экспертов и отправляйся на улицу Сельскохозяйственную, там напротив тридцать шестого дома гаражный комплекс. Вам нужен гараж номер сто два. Вскрыть и осмотреть сверху донизу, буквально по сантиметру. Если понадобится – отковырять с пола бетон и отскоблить штукатурку со стен... да, если краска – тоже отскоблить. Пробей все документы – кто и как его нанимал, кто там находился, опроси сторожей... Да, хорошо, что ты все понял. Тогда низкий старт. Я еду по другому адресу. Запиши: Проектируемый переулок, дом три. Блин, Гизмо, не время шутки шутить. Это название переулка, а не сообщение о том, что он еще не построен! Мне туда тоже не помешает экспертная группа. Все, поехали!

Неверов нажал кнопку отбоя и положил телефон. Потом разделил группу силовой поддержки, оставив троих бойцов в доме следить за Лузяниновым и Марченко. Когда майор вышел на крыльцо, он буквально налетел на грузного усача в серой форме. За его спиной мялись трое пэпээсников.

– Что тут происходит? – начал было усач. Но наткнулся на холодный взгляд Клим и осекся.

– Капитан Рузаев... я участковый здешний. Меня вызвали по факту нападения на дочь...

– Все понятно, товарищ Рузаев. Я – майор Неверов, ФСБ. – Клим показал удостоверение. – Марченко наш, уж простите.

Усач развел руками. Кажется, на секунду в его маленьких глазах промелькнула традиционная ревность работника одной силовой структуры по отношению к другой. Но это была только традиция, а вот то, что в статистике участка капитана Рузаева не отразится такого происшествия, как нападение с целью захвата заложников, было очень даже неплохо.

Шурша колесами по асфальту, микроавтобус контртеррористического подразделения сорвался с места под неприязненными взглядами нескольких десятков цыган, собравшихся вокруг Гычи Лузянинова.

Глава 3

Гаражный комплекс на Сельскохозяйственной был не новым, не престижным и достаточно запущенным. При этом находился в оживленном районе. С точки зрения конспирации – почти идеально. Большое количество людей – ничуть не худший способ затеряться, чем их отсутствие.

«Ауди» Марголина и черный микроавтобус оперативной группы остановились возле ворот гаражного комплекса. Сигизмунд вылез из салона, подошел к будке охранника и помаhal ему, что надо поговорить.

Охранник не торопился. Вначале он снял трубку с телефона, набрал какой-то номер и говорил около минуты. Марголин терпеливо ждал – повода устраивать разгром и разнос пока не наблюдалось.

Будка охранника представляла собой старый киоск, поставленный на высокие металлические опоры – метра по два с половиной. Сбоку к киоску вела железная лестница, заканчивающаяся решетчатой площадкой. Повесив трубку, охранник выбрался на площадку и спросил:

– Кто такие? Что надо?

– Федеральная служба безопасности. Нужно на территорию!

– А что вы там забыли? – удивился охранник, начиная спускаться вниз.

– В этом мы сейчас и будем разбираться. Нам нужен гараж номер сто два. А также все документы по его аренде за последние полгода.

– Блин, ну я не знаю... – замялся было охранник.

Марголин окинул его пристальным взглядом. Судя по всему – не москвич. Вроде держится твердо, но по глазам видно – испугался до колик в печени. Значит, регистрацией и не пахнет. И живет, вполне возможно, в одном из гаражей вот этого самого комплекса. Сейчас его держит на пути у Марголина только страх перед хозяином, который может его вышвырнуть на улицу и не заплатить.

Сигизмунд поинтересовался:

– Ты ведь хозяину звонил? Он говорил, что приедет?

– Ну допустим... – набычился охранник.

– Это хорошо. Он нам тоже будет нужен. Когда обещал приехать?

– Минут через тридцать будет, сказал... Так что вам надо?

– Я же тебе говорю: надо осмотреть гараж номер сто два.

– Осмотреть – это вскрыть, что ли? – это был риторический вопрос, но охранник его все-таки задал.

– Разумеется! – ответил Сигизмунд.

– Я без хозяина разрешить не могу. Мне потом это боком вылезет, – честно признался охранник. – У вас тут не город, а черт знает что! Если бы не деньги, то ноги бы моей тут не было.

– А что, охранником зарабатываешь много? – искренне удивился майор Марголин.

– Да какое «много»! Едва хватает на жизнь. Так я и не только тут работаю, если на то пошло. Я еще грузчиком работаю – вагоны на сортировочном узле разгружаю. Там сейчас платят хорошо, потому что чурок разогнали после Осетии – под горячую руку. И теперь там недобор народу. А вообще я – автослесарь. Мне хозяин вот этих гаражей обещал, что устроит к себе на новое СТО через два месяца, когда его достроят...

Марголин рассеянно кивал, слушая этот поток слов. Прикидывал – не отогнать ли охранника? Потом решил, что не стоит. Человек явно не плохой, работает честно. Зачем ему неприятности? А вот расспросить – дело хорошее.

– Слушай, а ты в субботу, часом, не работал?

– Нет, не работал. Я сутки через двое. В пятницу Колька был на работе.

– А Кольку найти можно? – прищурился Марголин.

– Да можно будет, я думаю, – ответил охранник. – Все телефоны у начальника есть, вызов. Но только давайте он это все сам сделает. А то мне как-то лишнюю ответственность на себя тянуть...

– Я понимаю. Подождем, конечно. Только давай мы с тобой прогуляемся к этому гаражу.

Охранник нахмурился, и майор поспешил его успокоить:

– Только ты и я, больше никого. Мои люди тут подождут. Никто на территорию не полезет, честное слово.

– Да не в этом дело, – махнул рукой охранник. – Если у вас бумага есть, то хоть сейчас заходите. С меня тогда взятки гладки...

Бумаги у Марголина не было. Работа шла в таком цейтноте, что об оформлении каких бы то ни было формальных разрешений речи не шло. Ничего, вот появятся хоть какие-нибудь веские подтверждения того, что в Москве реально готовится террористический акт, – и тогда «спринтерам» дадут санкцию работать так, как им нужно, лишь бы в итоге угроза была отведена. А если по ходу операции кто-то окажется слишком сильно возмущен действиями подразделения, ну что же – у него будет возможность пожаловаться.

– Пойдем пока что с тобой, – кивнул Марголин.

Они вошли на территорию гаражей. Здесь было все как обычно – два ряда одноэтажных панельных загонов для автомобилей, железные двери, щерящиеся на окружающий мир замочными скважинами, и сильно замусоренный асфальт под ногами.

– Вы бы хоть уборку тут сделали, – проворчал Марголин.

– А что толку? – пожал плечами охранник. – Все равно замусорят. Тут народ такой, на районе. Сплошь какие-то непонятные. Кто просто мудак по жизни, кто сильно богатый и не с его понтами мусор таскать в бак. А хачики и чурки – вообще полный абзац. У них религия не велит за собой убирать, насколько я знаю.

Марголин усмехнулся.

Гараж номер сто два находился аккуратно в середине блока. По бокам от его черных, лоснящихся свежей краской ворот Марголин насчитал по девять ворот справа и слева. Номер гаража был аляповато намалеван желтой краской, так что видно его было издали. Сигизмунд подошел к воротам вплотную.

– Вы чего будете делать? – спросил охранник напряженно.

– Только посмотрю, не переживай, – ответил Марголин. – Только посмотрю...

Материал ворот, кажется, был стандартным – листовое железо толщиной миллиметра четыре. Замок, на который гараж запирался, был врезным – снаружи виднелась только небольшая прямоугольная прорезь для ключа. Марголин не был особым докой в замках и потому не мог сказать, какой он марки.

Просто для галочки Марголин осмотрел также и землю перед самым въездом в гараж. Ничего особенного – немного пыли, какие-то мелкие камешки, окурки сигарет. Сигизмунд вытащил из кармана полиэтиленовый пакетик на липучке, пинцет и побросал окурки в него. Мало ли, пригодятся. Больше вроде ничего примечательного не было... хотя вот какая-то бумажка. Сигизмунд поднял ее, посмотрел. Кажется, это был какой-то чек, но сказать точнее, на глазок не получалось: надписи на бумаге сильно расплылись. Если что и получалось разобрать, так только отдельные буквы и цифры. Чек отправился в другой пакетик.

– Командир, а что вообще произошло? Наркотики ищите, что ли? – осторожно спросил охранник.

– Нет, не наркотики. Тут проблема посерьезней.

Охранник отошел в сторону, ворча что-то себе под нос. Марголин поднялся на ноги и сказал:

– Все, пойдем пока что. Будем ждать твоего хозяина.

Охранник потоптался на месте и осторожно предложил:

– А может, ну его? Если надо, вы вскрывайте...

Марголин улыбнулся, посмотрел на часы и ответил:

– Десять минут осталось. Подождем уже, ничего страшного. Потому что все, что нужно было предотвратить, здесь уже произошло в прошлую субботу ночью.

Они вышли к воротам гаражного комплекса. У шлагбаума со стороны гаражей стоял старый «фольксваген». Возле него топтался смурной дядька, про которого Сигизмунд сразу подумал: «Небось на дачу торопится, к картошке или помидорам... Или помидоры уже собрали?» Марголин терпеть не мог копания на грядках, справедливо считая, что на прокорм себе зарабатывает без необходимости тратить личное время, которого и так мало, наковыряние в земле.

Мужик выглядел очень недовольным тем, что ему пришлось ждать. Но присутствие людей в черной форме без опознавательных знаков, а также их транспорта, заставило его несколько поумерить свой праведный гнев. Возможно, он рассчитывал, что охранник вляпался в какую-то чепуху и его ждет возмездие.

– Иди открой людям, – сказал Марголин и подошел к своим бойцам.

– Понадобятся приспособления для вскрытия замков, либо придется резать ворота.

– Все есть, товарищ майор, – ответил ему из-под маски старший силовой группы прапорщик Дыгало.

И тут приехал хозяин. Тяжеловесный, блестящий «шевроле субурбан» свернул с проезжей части и остановился возле микроавтобуса фээсбэшников. Наружу выбрался хозяин гаражного комплекса – высокий толстяк в дорогой кожаной куртке, с барсеткой в одной руке и дорогим коммуникатором в другой.

– Чего случилось? – спросил он сквозь одышку. Телеса явно не позволяли ему говорить нормально.

– ФСБ, майор Марголин, – Сигизмунд предъявил удостоверение. – Нам нужно вскрыть гараж номер сто два.

– А что такое? – нахмурился хозяин.

– Антитеррористическая операция, – ответил Марголин. – Кроме того, нам понадобятся полные данные на владельца или арендатора этого гаража. Они у вас есть?

– Посмотреть надо, – пробормотал стусевавшийся хозяин. Опасное слово «терроризм» напрочь вышибло из него всякое желание качать права. В его памяти еще было свежо то время, когда по подъездам московских домов гремели взрывы. А может статься и так, что кто-то из его знакомых побывал в те роковые дни на Дубровке...

– Тогда, если не возражаете, мы начинаем? – спросил Марголин.

– Да, конечно... А документы сейчас посмотрю... У меня с собой учетная книга...

– Откройте ворота, мы проедем, – сказал Сигизмунд.

Хозяин махнул рукой охраннику. Тот снова поднял шлагбаум, и фээсбэшники проехали на территорию гаражей.

Бойцы сноровисто приступили к штурму сто второго бокса. Осмотрели замок, прощупали ворота, и прапорщик разочарованно покачал головой:

– Нет, придется резать. Это финский ригельный замок, его ломать – дохлое дело. Угонщики такие вскрывают только со специальными отмычками. У нас, конечно, в техничке они есть, но это полтора часа терять. А болгаркой мы его минут за десять выпилим в лучшем виде.

– Работайте! – кивнул Марголин.

Бойцы принесли болгарку и начали выпиливать замок. Сигизмунд морщился от пронзительного рева и смотрел, как из-под абразивного диска летит густой сноп оранжевых искр.

Сзади подошел хозяин, хлопнул майора по плечу. Марголин повернулся, увидел, что в руках у толстяка учетная книга, и жестом предложил отойти подальше, чтобы разговаривать, не напрягая связки. Они остановились метрах в десяти от места работы силовой группы.

– В общем, у меня тут есть координаты владельца сто второго бокса. Но именно владельца. Если он кому свой гараж сдавал, то это придется у него самого выспрашивать, мы такое не можем зарегистрировать. Должны, конечно, но на самом деле – вы понимаете, как получается.

– Да, понимаем, – вздохнул Марголин. – Ничего, давайте я перепишу координаты...

Майор переписал адрес и телефон. В это время бойцы закончили возиться с дверью. Замок вместе с куском створки упал на асфальт. Двое спецназовцев начали открывать ворота. И в этот момент грохнул взрыв.

Силы его не хватило на то, чтобы вырвать створки «с мясом». Зато их распахнуло с такой силой, словно прячущийся в гараже невидимый исполин пнул ворота ногами. Бойцов, открывавших ворота, отшвырнуло, как тряпичных кукол. Изнутри гаража полыхнуло дымным пламенем вперемешку с обломками дерева, стекла и металла. Спецназовца, оказавшегося на пути этого сокрушительного потока, впечатало в противоположную стену. Потом он упал, оставив кровавые потеки на мгновенно закоптившемся, посеченном осколками кирпиче. Микроавтобус, стоявший в зоне досягаемости взрыва, развернуло градусов на двадцать, выбило все стекла и окутало пламенем. Марголин почувствовал, как в лицо ему пахнуло бензиновой гарью, едким дымом взрывчатки и горелой плоти. Хозяин гаражей плюхнулся на задницу, мгновенно перевернулся на пузо и закрыл голову руками.

Только через три секунды Сигизмунд понял, что у него в кармане звонит телефон. Он посмотрел на дисплей и увидел номер Неверова. Нажав кнопку ответа, сказал:

– Клим, у нас только что был взрыв. Гараж оказался заминирован. Я вызываю помощь, потом тебе перезвоню.

– Я понял, работай, – донесся голос Клима через звон в ушах. В трубке запищали короткие гудки. Это, по всей видимости, означало, что у Неверова в Проектируемом обошлось без эксцессов, и если он что-то нашел, то это может подождать.

Сигизмунд стал набирать номер подразделения – нужна была неотложка, еще экспертная команда, пожарные... в общем – толпа народу.

И самое скверное, как показалось майору, – в том, что организаторы теракта теперь осведомлены, что ФСБ идет по их следу. Сомнений в том, что организаторы – не выдумка наркодельца Боженко, а взрыв здесь – это страховка, сигнализация и еще черт-те что, больше не оставалось.

Марголин выругался, но тут же отогнал эмоции прочь. Надо было подумать, как обдурить террористов, а не тратить время на глупости.

* * *

Водопроводчика с южной внешностью звали Хамид Назаров. Он был родом из Таджикистана, но в Москве прожил большую часть из своих двадцати восьми лет и, пожалуй, уже мог бы сполна пользоваться правом называть «лимитой» своих соплеменников, которые в последние годы видели в Москве настоящую кормилицу и толпами ехали сюда за зарплатой – мизерной по здешним меркам, но астрономической по таджикским.

Впрочем, методы зарабатывания денег у приезжих были самые разные. Кто-то клал кирпичи на стройке, кто-то разгружал или двигал тяжелые грузы, кто-то «бомбил» на раздрызганном автомобиле, помнившем еще расцвет Советского Союза. И само собой, были такие, которые воровали, грабили, торговали наркотиками.

До последнего времени Хамид гордился тем, что работал честно. Когда-то, усаживаясь в поезд до Москвы, он дал себе зарок: если получится закрепиться на чужой земле, он должен принять ее как свою вторую родину. Он хотел уважать людей и законы того места, которое должно было его кормить...

И очень долгое время у него это получалось. Он работал строителем, сторожем, охранником в компьютерном клубе. А последние три года вкалывал в «Мосводоканале».

Сюда он устроился потому, что муниципальным работникам неплохо платили. А деньги Хамиду тогда были нужны по-настоящему – он женился на симпатичной таджичке с русским именем Наташа, работавшей в одной из школ Бирюлева. Надо было думать о заработках, ведь скоро появится ребенок...

Вот тут Хамида и настиг удар. Наташа была на восьмом месяце, сидела в декретном отпуске. Зимой, уже затемно, она возвращалась домой со станции «Бирюлево-товарное» через небольшой скверик по улице Харьковской. И там нарвалась на пятерых подвыпивших бритоголовых, из тех, кому по большому счету плевать на идеологию, а главное – бить тех, кто не нравится.

Наташа выжила, хотя избили ее зверски. Ребенка спасти не удалось – выкидыш случился прямо в машине «скорой», которая везла окровавленную женщину в больницу. Полного выздоровления тоже не произошло – жена Хамида осталась инвалидом на всю жизнь. Разумеется, подонков так и не нашли.

Это страшное происшествие сильно изменило отношение Хамида к окружающему миру и к городу, в котором он жил. Москва перестала ему казаться привычной и почти родной стороной. Теперь это был холодный чужой город, испытывавший ненависть или презрение к каждому своему жителю из полутора десятков миллионов, составлявших его рыхлое неопрятное тело...

Хамид вкалывал как проклятый, денег едва хватало на то, чтобы снимать скверную квартиру возле Кольцевой дороги в Чертаново. Наташа пыталась помогать мужу, но здоровье ее было подкошено безнадежно, так что положение семьи Назаровых так и не сдвинулось с отметки «бедственное».

Однажды к Хамиду на улице подошел пожилой человек, дорого и аккуратно одетый, корректный и вежливый. Он предложил Хамиду заработок.

– Боюсь, что разовый. Но очень неплохой, особенно в вашем положении, – сказал человек.

Хамид сразу заподозрил, что ему тем или иным способом предложат нарушить закон. Но с учетом того, что дома было практически нечего есть, а у Наташи прохудились зимние сапоги и на новые не было денег, Назаров решил хотя бы выслушать незнакомца. Мысленно Хамид сказал себе, что на тяжкое преступление он не пойдет.

Дело оказалось странным – иначе и не скажешь. Этот человек, назвавшийся Робертом Геннадьевичем, просил украсть из архива папку с бумагами. Все бы ничего, но это был Центральный архив.

– Зачем вам эти бумаги? – спросил Хамид.

– Видите ли, уважаемый, когда у людей много денег, они начинают тратить их на очень странные и на первый взгляд совершенно бесполезные вещи. По крайней мере, бесполезные для непосвященных. Честно говоря, весь мой бизнес, а я занимаюсь антиквариатом, – это исключительно дань тяге к бесполезному.

– А бумаги при чем? – нахмурился Хамид. – Антиквариат – это же всякая мебель, золото, оружие старое...

– Отнюдь не только это, – покачал головой Роберт Геннадьевич. – Собственно, антиквариатом можно считать все, что имеет хоть какой-то возраст. И бумаги – не исключение. Хотя,

конечно, это специфический антиквариат, им больше занимаются букинисты. Но тем не менее на разные старые бумаги всегда есть свой покупатель...

– Что за бумаги вам нужны?

– А вам это обязательно знать, Хамид? Ну вот по совести? Это не чертежи оружия, не рецепты хитроумного яда... Просто бумаги, и все. Вам этого недостаточно?

Назаров подумал и решил, что достаточно. Действительно, какая разница, что это за писанина?

– Почему я?

– Потому что у вас будет больше всего шансов добраться до этих бумаг.

– Я водопроводчик, а это архив. Как вы хотите, чтобы я туда забрался? – ничего не понимал Хамид.

– А ничего сложного в этом нет, – улыбнулся Роберт Геннадьевич. – Я уже устроил так, что ваша бригада поедет на профилактические работы в Центральный архив, которые начнутся через неделю.

– А почему именно я? – удивился Назаров.

– Вам что, деньги не нужны? – пожал плечами антиквар. – Ну и потом, у меня есть чутье, которое говорит, что на вас можно положиться в данном вопросе. Я ведь прав?

– Правы, – буркнул Хамид, отводя глаза. Ему предлагали нарушить закон, и самое странное – он не испытывал на этот счет никаких угрызений совести. Те удары судьбы, которые Назаров и его жена испытали в последнее время, существенно повлияли на то, какими глазами они теперь смотрели на мир.

– Вот и хорошо. Теперь слушайте, что вы должны сделать, чтобы заполучить эти бумаги и остаться вне подозрений...

Роберт Геннадьевич рассказал Назарову, что нужно сделать с водопроводными трубами и в каком месте, чтобы в определенный день трубу прорвало и пришлось ехать спасать бумаги от гибели. Все это было несложно, и Хамид даже удивился, когда ему предложили за работу двадцать тысяч долларов.

– Я доживу хоть бы до того, чтобы посмотреть на эти деньги? – спросил Назаров.

– Глупости говорите, – усмехнулся антиквар. – Вы согласны? Ну и замечательно. Я прямо сейчас готов дать вам аванс. Скажем, пять тысяч. А остальные получите, когда принесете бумаги.

– Согласен, – вздохнул Хамид. А что еще оставалось? Деньги в любом случае были нужны, и та сумма, которую предполагал заплатить Роберт Геннадьевич, могла стать очень существенным подспорьем в жизни Назаровых. Наконец-то можно было бы отправить Наташу на квалифицированное лечение. И самому хоть немного перевести дух от круглосуточной работы. В конце концов, это всего лишь бумаги. И если на свете есть идиот, готовый платить за них немислимые деньги, то грех не воспользоваться его глупостью.

Примерно так думал Хамид тогда, и надо заметить, что с тех пор его мнение не слишком-то поменялось.

Роберт Геннадьевич ждал его под зонтиком летнего кафе. Сентябрь начинался неплохой погодой, так что эти заведения из парка исчезать не спешили. Увидев Хамида, антиквар махнул ему рукой. Назаров присел на пластиковый стул, поздоровался.

– Принесли? Тогда давайте сюда, – сказал Роберт Геннадьевич.

Хамид вытащил папку из сумки, протянул ее антиквару. Развязав матерчатые завязки, тот заглянул внутрь, немного покопался в содержимом и удовлетворенно кивнул.

– Да. Это то, что нужно, – сказал он. – Получайте ваш гонорар.

На стол лег большой конверт из непромокаемой бумаги.

– Можете заглянуть, убедиться, что я вас не обманываю, – сказал Роберт Геннадьевич.

Хамид не стал корчить из себя невесть кого. Посмотрел, пощупал купюры. Вроде бы настоящие. А дальше выяснится, когда он пойдет в обменный пункт.

– Спасибо вам, – усмехнулся Назаров, пряча конверт в сумку.

– Нет, это вам спасибо. Это был очень срочный заказ.

– Кстати, а что в этих бумагах-то написано? – спросил Хамид.

Роберт Геннадьевич усмехнулся.

– Знаете, как обычно в таких ситуациях говорят? Меньше знаешь – крепче спишь. Но для вас – исключение. Это просто старые чертежи, выполненные в двадцатые годы двадцатого века рукой одного очень известного архитектора.

– И зачем они могут понадобиться вашему клиенту? – Хамид искренне недоумевал.

– Подозреваю – чтобы повесить на стену. Это ведь старые чертежи, а не современные.

– Ну да, это точно... – покачал головой Хамид.

– Ну, собственно, на этом я с вами распрощаюсь, – сказал антиквар, поднялся из-за столика, пожал руку Назарову и неторопливо пошел прочь по аллее. Хамид покосился на продавщицу, неприязненно смотревшую на него от холодильника с напитками. Отведя глаза, Назаров пошел прочь. Пятнадцать тысяч долларов приятно грели сквозь толстую ткань сумки. Хамид шел, подсчитывая основные потребности своей семьи и то, сколько понадобится средств на удовлетворение самых основных. По всему выходило, что несколько ближайших месяцев можно не беспокоиться посторонним заработком. Хотя, конечно, придется хорошо подумать, чтобы объяснить Наташе, откуда взялись эти деньги...

* * *

Хозяин встретил курьера на пороге квартиры. Парнишка лет девятнадцати – по всей видимости, студент на подработке – изобразил на лице дежурную улыбку.

– Добрый день! – сказал он. – Принимайте, пожалуйста, вашу бандероль.

– Мне, наверное, расписаться надо? – спросил хозяин.

Парнишка кивнул, подавая пластиковый планшет с приколотыми документами на доставку. Хозяин, неприметный мужчина с глубокими лобными залысинами и сломанным носом, накорябал в соответствующей графе свою подпись. Принял бандероль, осмотрел целостность упаковки. Курьер подумал, что этот тип, наверное, жуткий педант по жизни.

– Все в порядке, спасибо, – хозяин вернул курьеру планшет. Тот убедился, что подписи поставлены верно, оторвал один из листов и протянул получателю груза.

– До свидания, пользуйтесь услугами нашей курьерской службы! – протараторил он и побежал вниз по лестнице. Хозяин хмыкнул и вернулся в квартиру.

Войдя на кухню, хозяин еще раз куда пристальнее осмотрел пакет. Нет, определенно целостности упаковки не нарушали – плотная коричневая бумага была аккуратной, плотно заклеенной, с внятными печатями.

Он взял нож и с треском вскрыл упаковку. Внутри была подарочная коробка из глянцевого картона. Хозяин усмехнулся. Да уж, подарок, ничего не скажешь... У отправителя явно случилось обострение чувства юмора.

Внутри коробки лежала толстенная крупноформатная книга. На ней было написано: «Библия. Репринтное издание типографии Франциска Скорины». Хозяин вздохнул – этот репринт, изданный в конце восьмидесятых годов, он бы с удовольствием поставил на полку.

Казалось бы, ну а в чем проблема? Вот тебе книга, бери и пользуйся! Но на самом деле содержимое подарочной коробки представляло собой всего лишь один контейнер. И когда хозяин открыл его, внутри оказалась поллитровая стальная фляжка, в какую наливают спиртное. Внутри этого сосуда плескалась жидкость. Хозяин странно усмехнулся, взял фляжку и, держа ее на вытянутой руке, впился взглядом в полированный металл – будто бы ждал от него

какой-то особенной реакции. Отражение буравило его таким же пристальным и выжидающим взглядом. Наконец человек стряхнул с себя оцепенение, положил фляжку на стол и снял трубку домашнего радиотелефона. Набрал семь цифр московского номера, он дождался ответа и сказал:

– Это Смирнов. Спасибо, книгу получил.

– Понравился подарок? – голос на другом конце был довольно высоким, но принадлежал мужчине. – Я старался угодить.

– Спасибо большое, очень понравился. Думаю, что уже сегодня похвастаюсь друзьям.

– Рад, что смог быть полезным, – произнес голос.

– Дня через три ждите отзывов, – сказал хозяин.

– Хорошо. Я постараюсь не упустить их из виду, – произнес голос чуть с ехидцей, и в трубке запищали гудки отбоя.

Смирнов повесил трубку и неодобрительно покачал головой. Он полагал, что дело, которым ему предстояло заняться, – очень важное и серьезное. И ирония тут не уместна. С другой стороны, обладатель высокого голоса, носивший странное прозвище Синус, и так здорово помог ему в осуществлении главного плана его жизни.

Смирнов давно уже считал себя особенным человеком. Немалую роль в этом сыграли его родители. И стоило Феде Смирнову дойти до возраста, когда в него уже можно было вкладывать чуть более серьезные знания и навыки, чем элементарная гигиена и умение пользоваться ложкой, как папа и мама принялись строить из него вундеркинда.

На первых порах это удавалось очень неплохо. Федю научили читать в три годика, писать – в четыре с хвостиком. К первому классу мальчик уже умел считать до ста и знал таблицу умножения. И все бы ничего, но, как иногда бывает, родители просто не учли «предела прочности» своего чада. Кружки, секции, факультативы превратили жизнь Феде в тяжкий труд, причем беспросветный и бесперспективный. Он шел в школу, сразу после школы – в кружок или секцию. На следующий день – то же, но с другим кружком. Даже в выходные у мальчика не было передышки. Разве что какие-нибудь государственные праздники, в которые он все равно нормального отдыха не получал – родители заставляли его заниматься какими-нибудь вещами, которые в их понимании были развивающими.

Отсутствие чувства меры привело вначале к тому, что Федя начал сильно отставать в учебе, стал раздражительным и мало восприимчивым к окружающему миру. Учителя сделали родителям Феде замечание, намекая, что в воспитании тоже надо знать меру. Те встали в позу, заявив, что лучше знают, что нужно ребенку. Но вскоре были вынуждены признать, что, наверное, они перегнули палку. Случилось это тогда, когда Федя упал в обморок прямо на занятиях в музыкальной школе.

Избавив сына от секции гимнастики и музыкальной школы (собственно, тут в кои-то веки учли мнение самого Феде, категорически отказавшегося идти в музыкалку снова), родители решили, что, раз уж с разносторонней личностью ничего не выйдет, надо хотя бы сделать сына выдающимся учеником.

Эта задача оказалась не такой трудной, хотя и здесь семью Смирновых ждали подводные камни. Проявив себя очень способным мальчиком с точки зрения учебы, Федя оказался неспособным устанавливать отношения со сверстниками. Ботаник и зубрилка – так называли его одноклассники, а сам Федя с подачи родителей полагал, что является человеком более высокого сорта, чем остальные. Папа и мама говорили ему о перспективах и возможностях, которые открывает перед ним учеба, а также про то, что те его сверстники, которые выпустятся без золотой медали, непременно закончат свои дни какими-нибудь простыми сантехниками или рабочими. А это по нынешним временам никак не может служить образцом для подражания.

Однажды Федя, доведенный до слез очередной порцией насмешек, не выдержал и заявил именно это всему классу. И вполне закономерно был бит сразу тремя пацанами из хулиганской

бригады класса. Родители Феде потом устроили скандал, но, к своему удивлению, услышали от директора школы: «А не надо было настраивать сына против всего класса!»

Возмущенные до глубины души, родители перевели сына в другую школу. Все еще искренне полагая, что воспитывают экстраординарную личность, они тщательно выяснили, какая из школ Москвы, расположенная в пределах досягаемости от дома, считается самой престижной. Хотя на дворе стояли еще застойные восьмидесятые и формально считалось, что в СССР все равны, на самом деле уже имелись такие учреждения, в которые было не попасть простому смертному.

Заплатив полагающиеся взятки, Смирновы сумели пристроить своего сына в эту школу. Казалось, теперь все будет прекрасно – коллектив замечательный, педагоги выше всяких похвал, никаких дворовых мальчишек, детей алкоголиков и прочего быдла. Но, разумеется, снова вышла промашка – на этот раз Федя оказался значительно ниже, чем подавляющее большинство учеников этой школы. Его родители не были работниками министерств, райкомов, директорами предприятий или, допустим, заведующими крупными магазинами. Они были простыми инженерами, хоть и высокооплачиваемыми.

Дети – существа бесцеремонные и довольно-таки жестокие. Федя, приехавший в школу на метро, а не с персональным водителем или хотя бы с отцом на дорогой машине, не одевавшийся в обновки из валютных магазинов, ни разу не бывший в «Артеке», мгновенно оказался за бортом.

На сей раз мальчик четко понял: что бы ни говорили отец и мать про его исключительность, это не имеет никакой реальной почвы под собой. Если кто-то и особенный, то это ребята, с которыми он каждый день встречается в классе.

Но исключительным себя чувствовать все-таки хотелось. И тогда Федя еще глубже вгрызся в гранит науки. Золотая медаль стала для него идеей-фикс, своего рода символом больших возможностей, которые откроются для него в предстоящей жизни. С золотой медалью, полученной в этой школе, Смирнов мог рассчитывать на льготных условиях поступить в МГУ на факультет международных отношений. В том, что он пройдет собеседование с партийными работниками и будет признан благонадежным, мальчик был уверен.

Учиться было несложно, куда труднее оказалось уживаться на одной территории с зазнайками-одноклассниками. Тем более что Федя по-прежнему толком не умел идти на контакт со сверстниками. Между ним и классом наблюдалась весьма четкая дистанция. Впрочем, до открытой вражды дело не доходило. Федя просто был, что называется, не пришей козе рукав. Его не принимали в какие-то общие классные затеи, с ним не дружили. Правда, у него охотно списывали, так как он хорошо учился.

На самом деле, хоть Федя Смирнов и не показывал, что ему очень обидно находиться «на отшибе», ему хотелось если не превзойти своих одноклассников, то хотя бы с ними сравняться.

Золотая медаль и университет действительно оказались для него по зубам. В восьмидесятом году Федя защитил диплом и стал переводчиком. Тот, кто еще помнит, что из себя представлял Советский Союз, прекрасно понимает, насколько это была «крутая» профессия. Вот только Федя не знал, что пройдет буквально два года, и страна в том виде, к какому привык и он, и его родители, прекратит свое существование. А еще буквально через год наступит хаос переходного периода, который ему, Феде Смирнову, окажется просто не по зубам. Не то чтобы у него было мало ума для того, чтобы справиться с изменяющимися обстоятельствами, просто Федя сжег свои силы в погоне за золотой медалью и красным дипломом университета.

Итак, девяностые годы не пощадили Федора, вышвырнув его на обочину жизни. Его престижнейшая профессия оказалась вдруг настолько распространенной и обыкновенной, что он даже растерялся. И пока он хлопал ушами, пытаясь элементарно понять, как так могло получиться, оказалось, что молодые переводчики гораздо лучше знают иностранные языки. Ну и плюс – они были молодыми, энергичными и хваткими.

Полгода он перебивался случайными заработками – от разгрузки машин и подметания улиц до перевода каких-то случайных текстов. Денег хватало едва на то, чтобы оплачивать растущие счета за квартиру и кое-как кормить себя.

Но не это было самым страшным для Федора. По-настоящему неприятным оказалось то, что он буквально чувствовал, как страна списывает его в расход. Ведь Смирнов всегда полагал себя очень полезным и нужным, исключительным элементом громадной государственной машины. А оказалось, что он просто утиль. Федор не замечал, как эта обида становилась для него идеей-фикс.

Чтобы хоть как-то компенсировать свою неполноценность, Смирнов стал заниматься оппозиционной деятельностью. Он клеил листовки с обличением преступлений нынешнего режима, писал статьи во второсортные газетки, выходившие на рыхлой бумаге и распространявшиеся с рук у метро. Кстати, статьи его публиковали неохотно и если публиковали, то только потому, что бульварные экстремистские газетки всегда остро нуждались в неадекватных авторах, порождающих на свет «шедевры» сомнительного качества.

Эта деятельность тоже не вызвала у Смирнова удовлетворения. Он постоянно хотел для себя большего, он с детства помнил про свою исключительность. И то, что мир не хотел ее разглядеть, с каждым месяцем злило его все больше.

Смирнов постоянно сравнивал свое положение теперь и то, которое должно было быть исходя из расчетов и мечтаний. Утраченные перспективы были настолько приятны, что однажды Федор решил: он должен отомстить. Приняв такое совершенно новое для себя решение, Федор Смирнов просто впал в состояние восторга и не потрудился довести его до логического завершения, ответив на самый важный вопрос: кому именно отомстить?

Глава 4

Первое рабочее совещание, посвященное обнаруженной террористической угрозе, началось ровно в пять вечера. Полковник Веденеев, сочувственно поглядев на взмыленный личный состав, позвонил в кафе и попросил организовать чай с бутербродами.

– А Кэрролла читать по ролям будем? – ехидно спросил Артем – единственный, кто еще не успел по-настоящему прочувствовать напряжение текущего дня.

– Персонально тебя я заставлю прочитать код операционной системы «Виста». Вслух и с выражением, – буркнул полковник.

Оперативники расхотались, а компьютерный гений отдела увял и сел в самый дальний конец стола.

– Ладно, не прячься. Чаепитие у нас сегодня, по всей видимости, и вправду безумным будет, – невесело пошутил Марголин.

На сей раз в комнате совещаний собрался весь Отдел быстрого реагирования, без исключения. Хотя сколько там этого отдела, по большому счету – несчастных пятнадцать человек. «Блиц» с самого начала задумывался как чрезвычайно компактное подразделение, своего рода ядро, к которому можно было прицепить все что угодно, в зависимости от задачи, которая стояла перед «спринтерами» на данный момент.

– Докладывайте, – сказал Веденеев, когда все расселись.

Неверов и Марголин обменялись короткими взглядами. Оба они успели вгрызться в дело, попробовать его на ошупь, оба что-то отыскивали. Клим кивнул, показывая, что начнет первым. Как ни крути, но чисто хронологически его часть расследования была раньше.

Вкратце обрисовав ситуацию с Лузяниновым и незадачливым водителем Марченко, Клим перешел к главному:

– Эксперты осмотрели «газель». К сожалению, вести у них исключительно безрадостные – в кузове обнаружены следы чистого гексогена. Марченко говорил о десяти мешках, каждый из которых весил килограммов по шестьдесят. Итого мы можем говорить о шестистах килограммах гексогена. Далее. На складе, официально значившемся как склад строительных материалов, мы нашли те же следы гексогена и парафина, применяемого как флегматизатор. То есть можно говорить смело: наши злоумышленники намерены делать бомбу. И если судить по количеству бризантного вещества – очень солидную бомбу. Я бы даже сказал: чертовски большую.

– Или много маленьких, – заметила Ольга.

– Не исключено, – кивнул Неверов, – Причем на текущий момент обе версии равновероятны и равновозможны. Определять, какая истинная, будем по ходу жизни... Собственно, у меня все. Сигизмунд, давай теперь ты.

Майора Марголина, обладателя совершенно феноменальных имени-отчества Сигизмунд Аскольдович, звали Гизмо всегда, кроме официальных встреч, подобных этой.

– Гараж, откуда Марченко забирал взрывчатку, был заминирован. Мощность взрыва оценивается килограммом в тротиловом эквиваленте. Но вещество, применявшееся в бомбе, – тот же самый гексоген, что и в кузове автомобиля Марченко. Мы уже начали поиски производителя – в ближайшее время ждем результатов. Саперы говорят, что взрывное устройство самодельное, не очень сложное. При этом делал его человек, знающий предмет, не любитель. У нас погибли два человека, раненых не было. Контужен штатский – копался в гараже через один от взорвавшегося... Чтобы террористы не догадались о том, что мы встали на их след, я запустил легенду о том, что в гараж пытались проникнуть воры. Соответствующее сообщение уже прошло в дневных новостях по радио. На всякий случай установлена слежка за гаражами. Вдруг террористы решат лично проверить данные.

– Не очень эффективно, – покачал головой Иванов. – Там, наверное, много народу интересуется что да как. Ну и вы уверены, что «вратари» расскажут то, что надо нам, а не террористам.

– Только один «вратарь» в курсе что и как, – покачал головой Марголин. – Это тот, кто нам открывал. Мы его взяли на время под стражу. Вроде как для проверки. Продержим три дня и отпустим с извинениями. Потому что, я так думаю, террористы если и появятся на месте происшествия, то сразу. Что до хозяина, то он и подавно рад сотрудничать. Это ведь его кооператив теперь может по миру пойти от недоверия граждан.

– А как насчет разного рода зевак? – спросил Иванов.

– Да зевак-то, можно сказать, и не было вовсе, – ответил Марголин. – То есть были какие-то дачники, выезжавшие с территории гаражного комплекса, но я так думаю, когда они узнают, что там рвануло, их еще неделю не затащишь в эти гаражи.

– Единственное, на что я бы сделала упор, – вступила в разговор Ольга Крамник, – так это на подозрительность преступников. Они могут просто проигнорировать все наши попытки что-то им опровергать. И просто принять как факт: если гараж взлетел на воздух, то, значит, ФСБ взял след.

– Хорошо, допустим. И что они тогда предпримут? – спросил Веденеев. – Залягут на дно?

– Сомневаюсь, – покачал головой Клим. – Шестьсот килограммов гексогена, вы только подумайте, что это такое! Если преступники получили настолько масштабный груз, то можете не сомневаться: дело им тоже предстоит весьма серьезное. А серьезные дела имеют одно свойство: они отменяются с большим трудом. Тем более Гыча Лузянинов утверждает, что речь идет о ближайших днях. Улавливаете мысль? Это уже никак не стадия подготовки, это финишная прямая. Я голосую за то, что террористы будут продолжать работать над своим планом. Тем более: ну рассудите сами, что они нам оставили? Следы гексогена, весьма сомнительный словесный портрет того, кто арендовал гараж у владельца, и туманное предупреждение Гыче. Это если брать прямые данные. С гулькин хрен, если по совести.

– Косвенные улики в подобных делах всегда важнее, – покачала головой Крамник. – Террористы, если они не дураки, обязательно должны это понимать.

– Я знаю, – кивнул Клим. – Но надеюсь, речь не идет о том, чтобы свернуть расследование и спокойно ждать, пока эти шестьсот килограммов гексогена разворотят какой-нибудь «Ашан» вместе с посетителями или разнесут «Боровицкую» в час пик.

– Ага. А кто все эти шесть центнеров в метро пронесет? Толстая шахидка Фатима под видом безразмерного одеяния? – проворчал Веденеев.

– Я для примера. Понятно, что метро для такого веса кажется маловероятной целью. Если только и в самом деле речь пойдет не о нескольких бомбах меньшего размера, – отмахнулся Неверов.

– Если бы да кабы... – вздохнул полковник. – Что у остальных?

– В ближайшие две недели в Москве не намечается значимых общественных мероприятий массового характера. То есть взрывы просто в толпе можно исключить, – сказала Ольга. – На данный момент прорабатываются версии с гипермаркетами и метрополитеном. Также проверяем возможность взрыва в концертном зале или на стадионе во время музыкального мероприятия. Вот, например, через неделю в «Лужниках» выступление «Aerosmith». Ожидается около десяти тысяч зрителей. Вполне подходящая мишень. Мы уже начали собирать информацию от агентурных источников, чтобы либо подтвердить, либо опровергнуть подозрения. Ждем ее поступления сразу после полуночи.

– Понятно. А дети кибернетики что скажут? – повернулся полковник к Гвоздеву.

– Анализ электронной почты ничего подозрительного не показывает. Ключевые слова, по которым срабатывают фильтры, повторяются в пределах статистической нормы. Хотя фильтры – это не показатель. Перлюстрация почты личностей, находящихся у нас на контроле, тоже

ничего не дает. И вот как раз это заставляет насторожиться: если речь идет о том, что никто из известных нам людей, замешанных в терроризме, не участвует в предстоящем инциденте, то очень трудно будет понять, в каком направлении вести поиски. А всю информацию мы профильтровать не сможем.

– Всю и не надо, пожалуй, – сказал Неверов. – Я подумал о том, что шестьсот килограммов гексогена – это такой груз, который и не достанешь так запросто и провозить придется с большим риском. Рискну нарваться на всеобщее неодобрение, но мне кажется, что здесь непременно замешан какой-то высокий чин.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Неверов на самом деле никого не удивил. Но с учетом того, какую нервотрепку гарантировало это подозрение, все старались хоть немного потянуть время с его озвучкой на людях.

– Неверов в своем репертуаре... – проворчал полковник Веденеев. – Ему, по всей видимости, не дают покоя лавры героев остросюжетного кино. И майор горит желанием хотя бы раз за свою карьеру раскрыть заговор в правительстве...

Тот, кто знал Анатолия Леонидовича лично, легко распознали в его словах горький сарказм. Полковник принял слова подчиненного всерьез и теперь просто хоть как-то разряжал потяжелевшую атмосферу.

– Я должен это понимать как разрешение начать работу с источниками в правительственных кругах? – уточнил Клим.

– Погоди, майор, а может, это все-таки работа кого-то из посторонних? – вздохнул Марголин. – Да после грузинского конфликта мы уже успели отловить достаточно желающих устроить в Москве бойню. Почему ты решил, что это не один из них?

– Масштаб несопоставим. По ходу наших задержаний самое большое количество взрывчатки было у Библешвили – семнадцать килограммов самодельного аммонала. Здесь в двадцать раз больше, причем не самодельного, а промышленного, высококачественного вещества. Так что пахнет большими деньгами, замешанными в этом деле. А большие деньги в случае с Россией – это всегда правительственные круги.

– Ладно, я скоординирую наши действия с контрразведкой, – черкнул что-то на листе полковник Веденеев.

Самым удручающим было то, что на текущий момент информации набралось очень мало. Почва для старта была зыбкой и грозила провалиться под «спринтерами». Впрочем, им к подобным раскладам было не привыкать...

– Личные соображения есть? Что могут взрывать таким количеством гексогена? – спросил Веденеев.

– Я склоняюсь к тому, что это будет один крупный террористический акт. То есть злоумышленники собираются подкладывать взрывчатку под какое-то большое здание, – предположил Неверов. – Причем я думаю, что наши мысли относительно гипермаркетов типа «Ашана» или «Икеи» надо исключить. Поясню. Если цель террористов заключается в том, чтобы убить как можно больше людей, то они подходят хорошо. Особенно в выходные дни, когда народ приезжает за покупками. Но зачем столько взрывчатки, если можно обойтись меньшими количествами, просто применить ее с умом. Например, использовать не чистую взрывчатку, а поражающие элементы. Начини взрывпакет рублеными гвоздями, грохни его в толпе – и эффект будет ужасающий. А шесть центнеров – это Кремлевскую стену обрушить можно... если бы в данном поступке имелся хотя бы какой-то серьезный смысл.

– А что, у всех террористов обязательно должно быть чувство здравого смысла? – пожал плечами Марголин. – Может, они просто хотят грохнуть что-то такое, чтобы было эффектно.

– Угу и вот так одним махом почти полмиллиона долларов по ветру! – проворчал Веденеев. – Не слишком ли дорогое удовольствие, если учесть, что реального толку от такого взрыва

– только пшик! Заново отстроить здание – дело нехитрое, даже если речь идет о чем-то уникальном. Вон, у нас Христа Спасителя построили, а большевики его качественно разломали.

– Я думаю, что Анатолий Леонидович прав, – кивнул Неверов. – Взрыв должен не только разрушить что-то очень большое и прочное, но еще и унести жизни значительного количества людей. Только тогда это будет иметь реальные последствия для общества.

Неверов еще не знал, что в этот раз он немного ошибается.

* * *

Это предприятие было образцовым. И самое интересное, что не понадобилось абсолютно никакой помощи со стороны «приглашенных варягов», чтобы заурядный молокозавод стал форпостом крупного концерна по производству молочных продуктов. Только и понадобился новый директор, который всей душой радел за дело, не поленился повыгонять с работы алкоголиков и разгильдяев, закупить новое оборудование и технологии. А затем директор сделал еще один шаг, который при всей своей очевидности был куда менее стандартным. Он нанял по-настоящему хорошего дизайнера для разработки внешнего вида упаковки продукции и неплохих рекламщиков, которые сделали этому товару яркий, запоминающийся промоушн. И теперь москвичи весьма охотно голосовали рублем за продукцию под маркой «Деревенский рай».

Вырос ассортимент продукции. Если раньше комбинат выпускал только молоко и кисло-молочные продукты, то теперь была запущена линия по изготовлению сыров, йогуртов и разнообразной сладкой продукции для ребятни.

Год назад торговая марка «Деревенский рай» выиграла тендер на поставку молочных продуктов в детские сады Северо-Западного административного округа Москвы. Молоко, сливки, кефир, творог, глазированные сырки – все для того, чтобы дети росли здоровыми и крепкими.

Федор Смирнов работал на линии по производству глазированных сырков – собственно, он следил за тем, чтобы сладкая творожная масса равномерно поступала из чана на формовочные дорожки, чтобы не засорялись разливочные лотки. Кроме того, он запускал специальный электромотор, который перемешивал сырье перед тем, как начать его разливать.

Молочный комбинат работал в три смены. Сегодня Смирнов заступил на дежурство в ночь. Он появился на проходной ровно за пятнадцать минут до начала смены – как и обычно. Поздоровался с охранником, предъявил пропуск, показал содержимое небольшой наплечной сумки. Там, тоже как обычно, лежало три бутерброда в пергаментной бумаге и металлическая пол литровая фляга. В такой фляге Федор уже добрый месяц приносил на завод морс, который пил по ходу смены, чтобы не отбегать лишний раз от рабочего места.

Все ничего, только сегодня фляга была не та. Впрочем, охранник не слишком разбирался – он не раз уже видел этот сосуд и даже пару раз проверял его содержимое, когда Федор приходил на работу. Охранник знал, что этот серенький мужичок никогда не был замечен в попытках унести с предприятия что бы то ни было. Да и репутация-то у него была исключительно положительная – одно время лицо Смирнова красовалось на Доске почета в цеху.

Миновав проходную, Федор вместе со всеми пошел к раздевалкам. Рядом с ним топало немало таких же работяг, среди которых имелись и его знакомые. Федор обменивался с ними привычными рукопожатиями, отпускал и получал ничего не значащие дежурные замечания на самые разнообразные темы – от результатов недавнего футбольного матча до нерадивых соседей, затопивших слесаря из цеха по производству кефира. Но мозги Смирнова были в это время заняты совершенно другими делами. В частности, он ловил себя на уверенности в том, что на его сумку направлены глаза каждого человека, который находится в зоне досягаемости прямого взгляда.

Конечно, это было всего лишь паранойей. Смирнов, при всей его готовности отомстить за себя и свою жизнь, все-таки был обычным человеком, никогда не занимавшимся предосудительной и тем более противозаконной деятельностью. Мозгом он понимал, что нет и не может быть в его сторону больше взглядов, чем обычно. Но одно дело понимать, а совсем другое – испытывать какой-то спектр эмоций. Голова понимает, а сердце живет своей жизнью, колотится с частотой, превышающей все возможные пределы, и адреналин от этого в кровь брызжет разве что не стаканами.

Честно говоря, Смирнов упорно думал, что ему не дадут добраться до рабочего места. Вот буквально из ниоткуда выскочат люди в форме или штатском, повалят на землю, замкнут на запястьях ледяную сталь наручников. И все, что он придумал, пойдет прахом.

Но вот Федор добрался до раздевалки. Здесь царил белоснежная чистота, стерильность. И по большому счету практически так и было. Влажную уборку в этом помещении делали не менее четырех раз в день, а дважды в день включали на полчаса кварцевую лампу, висевшую под потолком. За чистотой на молочном комбинате следили просто фанатично.

Федор переоделся в белый халат, рабочие брюки из серой синтетической ткани, матерчатые бахилы и шапочку из клеенки. Закончив, он стал просто неузнаваем – стандартная униформа работника молочного комбината «Деревенский рай» была просто непревзойденной по части обезличивания сотрудника.

Металлическая фляга перекочевала из сумки Смирнова в застегивающийся карман халата, как, впрочем, и обычно, когда он заступал на смену. Покончив с переодеваниями, Федор на минуту остановился – ему по-прежнему было как-то дико осознавать, что в ближайшее время он станет человеком, совершившим поступок. Он осуществит месть, он вернет себе гордость взамен бесцельно потраченной жизни!

Стараясь не смотреть по сторонам на других, чтобы глаза не выдали его, Смирнов направился в цех. Коридоры молочного комбината были такими же белоснежными и стерильно чистыми, как и раздевалка. Можно сказать, что они ничем не отличались от продукции «Деревенского рая», – она тоже была белоснежной и чистой.

Цех шумел, хотя это был ровный и почти что уютный звук. Не сравнить с каким-нибудь металлообрабатывающим или деревообрабатывающим предприятием. Тем более в этом цехе пахло совсем по-другому. Ванилин, творог, шоколад – все это перемешивалось в сытный букет, от которого начинали течь слюнки у любого, кто либо оказывался здесь случайно, либо работал не так давно. Понятно, что у людей, работавших в «творожном» цеху давно, рефлексы несколько притупились. Хотя, может и к лучшему: усиленное слюноотделение – не лучший спутник рабочего настроения.

За вычетом всех сопутствующих обстоятельств смена начиналась неплохо. Огромный чан, где смешивалась творожная масса для глазированных сырков, сыто урчал где-то в недрах своего металлического нутра. Струйки полужидкой, еще не застывшей творожной гущи текли на лотки и убегали в несколько окошек. За этими окошками находилась основная линия цеха – формовочная. Там массе придавали форму бруска, рубили на ровные кусочки и отправляли под сопла глазировочных аппаратов, которые проливали на творог темно-коричневую глазурь. Потом почти готовые сырки уходили в другой цех, где их охлаждали. Ну а финальной стадией производства было одевание готового лакомства в яркую, нарядную обертку.

Поглядывая на чан, Федор думал о том, что, наверное, это все-таки не очень хорошо, что смена идет так ровно и гладко. Надо хотя бы раз за смену открыть крышку и заглянуть внутрь. Всего на минутку – больше не надо. И он гарантированно успеет сделать свое дело.

Для тех, кто не был ни разу на ночной смене, надо пояснить, что это – весьма занудная штука. Особенно для людей, которые обречены не столько заниматься какой-то деятельностью, сколько следить, чтобы не произошло какого-то сбоя в налаженном процессе. Это усыпляет и убаюкивает похлеще любой колыбельной.

Мудрено ли, что сегодня для Федора минуты тянулись особенно тяжело? Казалось, что смена вообще никуда не движется. И вместе с тем желтовато-белые струи творожной массы все текли и текли на лотки, и не было в них ни единого изъяна, как будто бы в насмешку над тем поступком, который намеревался совершить Смирнов.

Федор поймал себя на мысли о том, что ему хочется заснуть на рабочем месте. Может быть, это заставит сработать закон подлости из числа тех, которые мистическим образом призывают трамвай на каждую закуренную сигарету и прячут вещь, которую ты ищешь, в самый дальний ящик стола вне зависимости от того, с какого из них ты начинаешь поиск. Ему так и представилось, как слипаются глаза, как он медленно погружается в ровное теплое забытие, еще не сон, но уже его преддверие. И вдруг – что-то летит кувыркком в производственном процессе, и можно спокойно заниматься тем, что ему полагается делать, то есть устранять неполадки в работе линии.

Ожидание было непростым, но утешало то, что никогда не бывало такого, чтобы линия всю смену проработала без единого сбоя. Мелкие неполадки возникали с завидной регулярностью, хотя оборудование было импортным. Зато и исправлялись они буквально в течение нескольких минут. А если нет, то включалась резервная линия, и процесс производства не останавливался.

И вдруг – случилось. Ровный гул насосов и шелест творожной массы, льющейся из сопел, вдруг нарушились странным хлопаньем. Из трех сопел творог на пару секунд перестал течь, а потом полетели в разные стороны какие-то ошметки, неопрятными кляксами растекаясь по стенам и полу.

– Линия, стоп! – Федор еще не успел понять, что, кажется, его время все-таки пришло, а горло уже выкрикнуло полагающиеся слова. В то же самое время правая рука потянулась к красной кнопке, и насосы смолкли. Федор быстро подбежал к чану, повернул запорные ручки и откинул крышку.

Причина неисправности была на виду – два шланга немного сместились, так что образовался узел, через который творог не мог просочиться. Эта работа была минут на пять. Но по сути Смирнову и этого времени было достаточно.

Он сноровисто распутал перехлест, снял и продул мундштуки шлангов, проверил, нет ли протечек рабочей смеси из насоса, не забилась ли воздухозаборная решетка. И наконец, убедившись, что все в порядке, Смирнов расстегнул карман и вытащил из нее стальную фляжку. Отвинтил крышку и стал лить прозрачную жидкость в творожную массу. Тонкая струйка вырывалась из горла, разрывалась на множество искристых капелек и падала вниз, оставляя на творожной массе множество быстро затягивающихся язвочек.

По металлическому трапу вдруг застучали быстрые шаги. Федор понял: мастер цеха захотел проверить лично, что там произошло на раздаче. Кажется, Смирнов попался, потому что он не успевает спрятать флягу ни при каком раскладе.

Мастер – толстый краснолицый усач – взбежал по лестнице к чану. Федор, не слишком-то соображая, что делает, поднес флягу к губам и сделал большой глоток. Жидкость внутри была солоноватая с горчинкой, немного пахла химией и чем-то напоминающим перекишенное тесто. Неприятное питье, но Смирнов даже не поморщился.

– Что тут? – спросил мастер.

– Да шланги перепутались. Я уже все починил, – ответил Смирнов, опуская крышку чана. Повернул запоры и нажал кнопку. Примерно минуту чан просто гудел – масса перемешивалась. Потом ровные бело-желтоватые потоки хлынули на лотки фасовочной линии.

– Ну поглядывай тут, чтобы все нормально, – одобрительно кивнул мастер, хлопнул Федора по плечу и шумно потопал куда-то в цех.

Смирнов, двигаясь ровно и спокойно, как машина, положил флягу в карман и застегнул липучку. Странное дело: он только что убил себя, но почему-то не испытывал по этому поводу

ровным счетом никаких эмоций. Такое чувство, что это было совершенно закономерно и правильно. А может быть, все именно так и было. В конце концов, месть – такая вещь, которая сама по себе может стать смыслом жизни, а после того, как человек свершит возмездие, иногда и жить не надо.

Мечь Федора Смирнова свершилась. Он заплатил неблагодарной стране тем, что она заслужила, он сделал так, что она лишится изрядного куска своего будущего, воплощенного в тех детях, которые в ближайшие дни съедят глазированные сырки, выпущенные линией, на которой работал Смирнов.

Возможно, Смирнов еще мог бы задуматься над своим поступком, если бы не выпил той же жидкости, которую вылил в творожную массу. Получалось, что его ждет смерть в те же сроки, как и детей. Выходило, что Федор совершил возмездие и над собой. И он думал, что это вполне справедливо...

Работа шла своим чередом. Смирнов отрешенным взглядом смотрел вдаль и шептал что-то. Возможно, это была молитва. А может, и нет – он сам не смог бы дать нормального ответа, если бы кто-то спросил.

Смирнов решительно ни о чем не жалел. И наверное, это было самым страшным в том, что произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.